

Алан
Силлитоу

В субботу вечером, в воскресенье утром

[роман]

XX век / XXI век – The Best

Алан Силлитоу

**В субботу вечером,
в воскресенье утром**

«АСТ»

1958

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Силлитоу А.

В субботу вечером, в воскресенье утром / А. Силлитоу —
«АСТ», 1958 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-093395-2

Сначала – работа, от звонка до звонка. Потом – домой, переодеться, а дальше – алкоголь, женщины, танцы и драки. Так живет герой романа Артур Ситон. Так живут его приятели. Да и как иначе, если бедный провинциальный мирок их родителей вызывает отвращение, а никакого другого будущего для них, парней и девушек из рабочих пригородов, судьбой не предназначено? «В субботу вечером, в воскресенье утром» – книга, открывшая новую страницу в истории английского романа. Книга, в которой автор заговорил голосом британской молодежи из рабочего класса – поколения «рассерженных молодых людей» – грубоватой, необразованной, но куда более остро чувствующей несправедливость и жестокость окружающего мира, чем их более благополучные сверстники.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-093395-2

© Силлитоу А., 1958
© АСТ, 1958

Содержание

Предисловие к юбилейному пятидесятому изданию	6
Предисловие к изданию романа «В субботу вечером, в воскресенье утром» 1979 г.	9
Часть 1. В субботу вечером	10
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алан Силлитоу

В субботу вечером, в воскресенье утром

Alan Sillitoe

Saturday Night and Sunday Morning

© Alan Sillitoe, 1958

© Renewed by Alan Sillitoe, 1986

© Перевод Н. А. Анастасьев, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Предисловие к юбилейному пятидесятому изданию

Роман «В субботу вечером, в воскресенье утром» вырос из цикла новелл, написанных в 1952–1958 годах, когда Алан Силлитоу жил во Франции, на Майорке и в континентальной Испании. Однако же свою творческую энергию и исходный материал писатель черпал из детских и юношеских лет, которые провел в Ноттингеме (такое детство потрясло бы Оруэлла и в несколько смягченных тонах было некогда описано Диккенсом), за которыми последовала полуквалифицированная работа на местных фабриках. Ничего подобного раньше не писалось и не печаталось, и книга эта изменила весь ход истории английского романа.

Перед тем как в 1958 году оказаться на столе Джеффри Симмонса, главного редактора издательства «У. Х. Аллен», рукопись была отвергнута пятью крупными издательскими домами, и смысл претензий к автору в какой-то степени обнаружился в ходе его общения с Томом Маршлером, редактором издательства «Макгиббон энд Ки». Рукопись показалась Маршлеру интересной, но он убеждал автора переписать значительные ее куски, с тем чтобы более верно представить образ жизни рабочего класса. Силлитоу нашел эти советы равнозначными суждениям некоего ясновидящего относительно его собственной биографии и отказался вносить в книгу какие-либо изменения. Маршлер, и не только он, был ошарашен и сбит с толку: настолько герой Силлитоу Артур Ситон отличался от персонажей других книг. Даже такие недавно вышедшие на литературную сцену отщепенцы, как Джим Диксон Кингсли Эмиса, Чарли Ламли Джона Уэйна, Джимми Портер Джона Осборна и Джо Лэмптон Джона Брейна, казались в сравнении с ним людьми более приличными. А вот Симмонса чтение захватило, он понял, что в руки ему попало нечто совершенно исключительное, и переслал рукопись своему другу Отто Стросону, «открывшему» в 1955 году Дорис Лессинг и рекомендовавшему ее издателю Голланцу. «Джеффри, – на следующий же день отвечал ему адресат, – я глазам своим не верю: кто это? Лучшего дебютного романа мне еще читать не приходилось». Другой авторитетный внутренний рецензент издательства, Доналд Моррисон, также не скупился на похвалы.

Артур Ситон – молодой человек, фактически не получивший приличного образования и не обнаруживающий ни малейшей склонности к приобщению к культуре либо повышению своего социального и профессионального статуса.

Это токарь, относящийся к политике, профсоюзам и классовой солидарности со сменой равнодушия и презрения; его больше интересуют выпивка и секс. В то же время он наделен острым, язвительным умом, отличающим его от всех персонажей, к которым привыкла читательская аудитория начиная со времен Вордсворта. Ситон появился на литературном пиру незванным гостем. Его предшественники из среды рабочего или нижней прослойки среднего класса распадалась на три категории: одни представляли собой плод воображения интеллектуалов, смотрящих на них сверху вниз; другие стремились подняться вверх по жизненной лестнице, третьим, самым немногочисленным, хватало ума подвергнуть сомнению и пошатнуть положение так называемой верхушки общества. Ситон даже на словах, даже сквозь зубы отказывается признавать существование литературной, культурной и общественной элиты.

Обычно аутсайдеры в литературе вызывают либо жалость, либо неодобрение, либо страх. Но не таков Артур Ситон. Эгоцентриком его не назовешь, однако же именно его беспокойное присутствие и харизма организуют всю структуру романа. Не то чтобы он постоянно солировал в повествовании, но чем дальше мы продвигаемся по сюжету, тем острее ощущаем, сколь вездесущ этот персонаж с его абсолютной непредсказуемостью.

Его поведение, даже по нынешним меркам, далеко от образцового: поразительная доверчивость товарища по работе, с женой которого он состоит в любовной связи, доставляет ему, кажется, не меньше удовольствия, чем сам секс. Когда Джек-рогоносец подбивает наконец двух своих приятелей-военнослужащих как следует поколотить Ситона, тот не испытывает ничего, даже отдаленно напоминающего жалость к себе, не говоря уж о раскаянии; кривая равнодушная ухмылка перед лицом неизбежного – вот, наверное, и вся его реакция на побои.

Рецензируя роман Силлитоу на страницах «Дейли экспресс», Роберт Питмэн пишет: «Образ жизни (Ситона) вам может не нравиться. Он и сам вам может не нравиться... но, так или иначе, Силлитоу написал произведение поразительное». Однако же Ситон читателю понравился. После того как права на издание были проданы «Пэну», книга стала его первым бестселлером, изданным миллионным тиражом, а уже через несколько месяцев после появления романа в твердом переплете кинематографисты засыпали «У. Х. Аллена» предложениями о его экранизации. Самое выгодное предложение поступило от английского представителя «Рэнк-организейшн»¹, но, прочитав роман, Рэнк самолично позвонил Симменсу из Голливуда и заявил, что подобного рода вещь никогда не найдет отклика в американских семьях; аванс, добавил он, возврату не подлежит. Освободившееся пространство было немедленно занято никому не известным импрессарио Гарри Зальцманом, на которого книга произвела такое сильное впечатление, что сценарий он предложил написать самому автору. В результате на экраны вышел первый режиссерский фильм Карела Райса, и он же положил начало актерской карьере Альберта Финни, сыгравшего роль Ситона. Подобно роману, фильм стал классикой, Зальцман заработал на нем целое состояние и в 60-е годы выступил продюсером цикла фильмов о Джеймсе Бонде.

Подобно иным популярным персонажам, Артур Ситон заставляет задаваться вопросами о том, насколько близок он своему создателю. Некоторые эпизоды романа имеют автобиографический характер, но, бесспорно, главное, что почерпнул у автора Ситон со своим неукротимым поведенческим абсолютизмом, это темперамент. Он, Силлитоу, глубоко предан идеалам свободы и равенства, но столь же безусловно отвергает любые посягательства системы – сколь угодно милосердной и либеральной – на сознание индивида. Четырнадцатилетним учеником токаря на фабрике он получил от цехового старосты уведомление, что членство в профсоюзе обязательно, что оно ему только на пользу и что взносы будут вычитаться из его жалованья. Послав в самых сильных выражениях старосту куда подальше, Силлитоу вернулся на свое рабочее место. Семена, из которых вырос характер Артура Ситона, были брошены в землю задолго до того, как его создатель задумался о писательской карьере.

Как правило, книгу Силлитоу рассматривают в рамках творчества «рассерженных молодых людей» 50-х годов, а также жанровой разновидности «рабочего романа». Такого рода определения представляются поверхностными и снисходительными по отношению к автору, ибо, помимо всего прочего, в них пропадает оригинальность и литературный блеск произведения. С равным успехом можно рассматривать творения Вирджинии Вулф, Сэмюэла Беккета и Ивлиана Во как отражение трагического состояния пресыщенной знаниями буржуазии. Как художник, автор романа «В субботу вечером, в воскресенье утром» отличается удивительным мастерством в изображении мира рядовых англичан 50-х годов: избегая любых оправданий либо сентиментальности, он в то же время отказывается разделять распостраненные представления, будто темой произведений такого рода непременно должна быть социальная несправедливость. Это книга о людях не менее сложных психологически

¹ Первоначально основана в 1937 году крупным промышленником и финансистом Артуром Рэнком. Впоследствии – концерн, производящий радиоэлектронную аппаратуру, радиоприемники, телевизоры, множительную технику, оборудование для кинотеатров и т. д. *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

и часто более сильных характером, нежели соответствующие им персонажи книг о среднем классе.

В 2008 году мы отмечали пятидесятилетнюю годовщину с момента первой публикации романа, и за это время Алан Силлитоу доказал, что является самым многоликим и непредсказуемым среди писателей-современников. Среди пятидесяти двух изданных им произведений – романов, новелл, книг для детей, стихов, путевых заметок, пьес, мемуаров, критических очерков – есть вещи, решительно не поддающиеся жанровым определениям. «Поездка в Нигилон» вызывает в памяти «1984» Оруэлла и «О дивный новый мир» Хаксли, но стилистически автор превосходит обоих. Это как если бы «Поминки по Финнегану» были бережно переписаны связными предложениями, помещены в четкую сюжетную рамку и возникла бы поразительная картина тоталитаризма, бесчеловечности и фарса. «Повествователь» (1979) – один из лучших в мировой литературе романов о беспощадной, безжалостной природе писательского труда, а «Генерал» (1960) – прямой литературный предшественник фильма Романа Полански «Пианист». В «Одиночестве бегуна на длинные дистанции» (1959), последовавшим за романом «В субботу вечером, в воскресенье утром», Силлитоу предстает как самый значительный мастер малой формы после Джойса.

Читайте первый роман Алана Силлитоу, наслаждайтесь этим чтением и знайте, что перед вами – веха в литературной истории.

Ричард Брэдфорд

Предисловие к изданию романа «В субботу вечером, в воскресенье утром» 1979 г.

Роман «В субботу вечером, в воскресенье утром» увидел свет двадцать лет назад, осенью 1958 года.

Никто, включая рецензентов, не удивился его успеху так сильно, как я. Последний вариант романа я писал на Майорке, в 1966–1967 годах, но многие главы и некоторые эпизоды сочинялись с начала 50-х, так что, можно сказать, работа продолжалась в течение семи лет, прежде чем рукопись ушла в Лондон.

Кое-какие главы изначально были написаны в форме новелл, иные из них я предлагал ежемесячным журналам, но получил отказ. Один-два фрагмента романа (включая раздумья героя во время рыбной ловли воскресным утром) первоначально имели поэтическую форму. Это были всего лишь эпизоды, события, но они удачно встроились в композицию романа, потому что либо разворачивались вокруг одного характера – Артура Ситона, – либо имели своим центром картину одного города и одной семьи.

Впоследствии эти этюды и новеллы были утрачены, ибо, переезжая в эти суровые, безденежные годы литературного ученичества из одной области Испании в другую, я просто не мог таскать за собой в чемоданах постоянно растущие в размерах гигантские кипы бумаги.

Роман был отвергнут четырьмя издателями. Я рассчитывал получить за него максимум 200 фунтов, и эта сумма позволила бы мне вернуться на Майорку и прожить там в течение года, пока не будет готов к изданию новый роман, на котором, хотелось надеяться, я заработаю столько же, и так далее – буду жить и писать.

Многие читатели сегодня, как и в ту пору, когда роман был издан впервые, делают одну и ту же ошибку: видят в нем жизнеописание этого автора. Это не так, во всяком случае, это не автобиография в строгом смысле этого слова. Приступая к сочинению романа, я уже десять лет как не работал на фабрике. Но главное – книга, воссоздавая в определенной мере атмосферу жизни, в которой я вырос, является плодом воображения, и все действующие в ней персонажи – это фигуры, выписанные и расположенные таким образом, чтобы в итоге нельзя было сказать, будто они списаны с кого-то конкретно. Мне кажется, романисты, описывающие жизнь среднего класса, действуют таким же образом.

Мною руководило только одно – радость самого писания, я готов был работать изо всех сил ради того, чтобы написанное получилось точным и правдивым. Я стремился запечатлеть черты обыкновенных людей, какими я их знаю, так, чтобы они узнали в персонажах самих себя. Эта работа отняла у меня много сил и времени и оказалась более тяжелой, чем можно было себе представить.

Не мне судить, получилось у меня задуманное или нет. Я по-прежнему остаюсь писателем и не являюсь критиком либо рецензентом. Я настолько поглощен сочинением своих романов – новых, в той же степени, что и этого, – что меня даже не тянет по-настоящему их прочитать. В конце концов, «В субботу вечером, в воскресенье утром» была и остается первой книгой автора, со всеми ее просчетами и недостатками. Тем не менее мне представляется, что именно в этом произведении я заговорил своим настоящим голосом, и если оно хоть в какой-то степени мне до сих пор нравится, то причина состоит именно в этом. А дальше – пусть судит читатель.

Алан Силлитой

Часть 1. В субботу вечером

Глава 1

Шумная компания любителей погорланить песни, расположившаяся за несколькими столиками, наблюдала за тем, как Артур неровными шагами приближается к лестничной площадке, и хотя все наверняка знали, что он пьян в стельку, и понимали, какая ему грозит опасность, никто не попытался его остановить и вернуть на место. Залив в себя одиннадцать пинт пива и семь стаканчиков джина, играющих теперь в прятки у него в желудке, он пересчитал все ступени лестницы, сверху донизу.

Нынче вечером у членов клуба «Белая Лошадь» бенефис, и в честь него был вскрыт ящик для пожертвований и устроена попойка во всех помещениях и четырех стенах паба. Половицы скрипели, оконные рамы хлопали, листья комнатных растений увядали в парах пива и клубах сигаретного дыма. Команда графства Ноттс обыграла гостей, и друзья клуба «Белая Лошадь» собрались наверху отпраздновать победу. Артур не был членом клуба, но Бренда была, так что ему – до времени – полагалась доля выпивки ее отсутствующего мужа, а когда клубные средства иссякли и предусмотрительный хозяин паба расстелил салфетки перед теми, кто был не в состоянии платить, он выложил на стол восемь полукроновых монет в знак того, что отныне раскошеляется сам.

Ибо нынче был субботний вечер, лучшее и самое веселое время недели, одна из пятидесяти двух остановок в медленном вращении Большого колеса года, неистовая прелюдия к обессиленному воскресенью. В субботу вечером выплескиваются наружу переполняющие тебя чувства, и отложения, накопившиеся в организме за неделю изнурительной фабричной работы, исторгаются свободным и неудержимым потоком. Ты следуешь девизу «пей и радуйся жизни», обвиваешь мускулистыми руками женскую талию и чувствуешь, как пиво благотворно проникает в податливые вместилища твоих внутреннихостей.

Бренда и еще две женщины, сидевшие с Артуром за одним столиком, смотрели, как он оттолкнул свой стул, с трудом поднялся, и его серые глаза подернулись пленкой, делая его похожим на высокорослого худого шамана, готового пуститься в какой-то безумный танец. Вместо этого, однако, он пробормотал нечто нечленораздельное – что именно, они, то ли слишком пьяные, то ли погруженные в себя, разобрать не смогли, – и нетвердыми шагами поднялся на верхнюю площадку лестницы. Множество глаз наблюдали, как Артур цепляется за перила. Он повернул голову и медленно обвел взглядом переполненное помещение, словно прикидывая, с какой ноги начать, чтобы придать своему телу инерцию движения вниз, или даже пытаясь понять, зачем ему вообще понадобилось спускаться именно в этот момент.

Он чувствовал, как затылок его обжигает свет ярких электрических ламп, и на какой-то миг ему показалось, что его сознание и его тело представляют собой совершенно обособленные сущности, каждая из которых готова бездумно двинуться своим путем. Чей-то громкий голос, хрипло затянувший позади него песню, почему-то показался ему сигналом к немедленному началу спуска, и он сделал шаг вперед, проследил, как его ступня неуверенно опустилась на следующую ступеньку, почувствовал давящий на нее вес собственного тела, и когда тяжесть сделалась невыносимой, покатился вниз по лестнице.

Высокооктановая смесь семи стаканчиков джина и одиннадцати кружек пива привела его в движение, как если бы он был некий механизм, сама же она образовалась в результате хвастовства одного типа. Этот здоровенный крикливый ублюдок, называвший себя, как впоследствии припомнилось Артуру, моряком, шатался по бару и, задерживаясь у одного

столика за другим, потчевал слушателей рассказами о различных точках земного шара, где ему пришлось побывать, всякий раз нажимая на то, что сам он – чемпион по части выпивки и самый компанейский парень во всем пабе. Ему было под сорок, он находился в расцвете сил, еще не успел обрасти основательным жирком, носил коричневый жилет и полосатую рубашку в тон, манжеты которой прикрывали густую поросль на мускулистых запястьях.

– Что это ты там сказала про выпивку? – вскинулась подружка Бренды. – Держу пари, что наш молодой Артур Ситон, вон он, – она мотнула головой в сторону стола, где сидел Артур, – тебя перепьет. Ему всего двадцать один, и он заглатывает зелье, как рыба воду. Не знаю уж, как в него все вмещается. Просто уходит и уходит внутрь, и все ждешь, когда же у него кишки наружу вылезут, ан нет, даже толще не становится.

Болтун пробурчал что-то и попытался было отмахнуться от этого панегирика, но под конец особенно красочного и яркого описания какого-то борделя в Александрии окликнул Артура:

– Я слышал, ты силен выпить, паренек?

Обращение «паренек» Артуру не понравилось. Он мгновенно выпрямился.

– Да так, более или менее, – скромно ответил он. – А что?

– И все же, сколько можешь выпить? – настаивал Болтун. – Мы, бывало, когда увольнительную на берег получали, нажирались на спор, – пояснил он, обращаясь с широкой понимающей улыбкой к заинтересованной публике.

Болтун напомнил Артуру старшину, вlepившему ему как-то наряд вне очереди.

– Даже не знаю, – сказал он. – Я, видишь ли, считать не умею.

– Ну что ж, – подхватил Болтун, – посмотрим, умеешь ли ты пить. Проигравший оплачивает счет.

Артур не колебался ни минуты. Дармовая выпивка есть дармовая выпивка. К тому же он всегда завидовал незаслуженной славе хвастунов и надеялся и себя показать, и его поставить на место.

Тактика Болтуна была точна и продуманна, это Артур вынужден был признать. Они кинули жребий, и моряк, получив право первого хода, начал с джина. Но после седьмого стаканчика перешел на пиво – пинтами. Артур с удовольствием выпил джина и тоже налег на пиво. Довольно долго казалось, что спор идет на равных, так что даже могло возникнуть ощущение, будто они собрались пить до бесконечности, как вдруг на десятой пинте Болтун неожиданно позеленел и выскочил из-за стола. Расплатился он, наверное, внизу, потому что назад так и не вернулся. Артур же, словно ничего не случилось, вернулся к своему пиву.

Он смеялся про себя, катясь вниз по лестнице, слыша отдающийся в позвоночнике глухой стук, и ему казалось, будто все происходит за многие мили отсюда и по ту сторону земной поверхности возникают слабые вибрации, которые он регистрирует, подобно сейсмографу. Вообще-то говоря, это передвижение было таким покойным и усыпляющим, что, остановившись у подножия лестницы, Артур так и не открыл глаз и заснул. Он испытывал приятное чувство отрешенности, и ему хотелось бы всю оставшуюся жизнь пребывать точно в таком положении.

Кто-то пинал его в ребра, и он чувствовал, что это не были грубые пинки участника драки или заигрывание женщины, которую он уложил в постель; это были осторожные пинки какого-то мужчины, опасавшегося, что тот, кого он пинает, может внезапно вскочить на ноги и ответить пинком куда более сильным.

Артуру также казалось, что мужчина старается ему что-то сказать, и он, в свою очередь, изо всех сил пытался ответить, хотя и не мог разобрать пока, что именно ему говорят. Впрочем, даже если бы ему удалось разлепить губы, мужчина все равно бы его не понял, потому что лицо Артура было прижато к животу, так что окружающим он казался полностью одетым гигантским зародышем, свернувшимся калачиком у подножия лестницы на бархат-

ном ковре в тени двух комнатных растений, листья которых переплетались над ним подобно лианам в джунглях.

Тычки становились все более настойчивыми, и Артур начал смутно осознавать, что исходят они то ли от кого-то из официантов, то ли от самого хозяина. Оказалось, это был официант, с салфеткой в одной руке и подносом в другой, в расстегнутой после тяжких трудов куртке и с лицом, обычно бесстрастным, но сейчас обретшим некоторую индивидуальность, ибо его начал всерьез беспокоить этот долговязый, коротко стриженный юноша с каменным выражением лица, лежащий без чувств у его ног.

– Чуток перебрал, бедняга, – вымолвил пожилой мужчина, переступая через Артура, мурлыча что-то себе под нос и рассуждая на ходу сам с собою о том, как славно было бы, хоть и грешно, если бы ему самому хватило слабости, но и силы духа вот так же надраться и скатиться с лестницы в бессознательном состоянии.

– Эй, Джеки, поднимайся, – уговаривал Артура официант. – Нам не нужно, чтобы сюда заявились копы и застали тебя в таком состоянии. Ведь прижмут нас, а не тебя. Только на прошлой неделе мы вляпались в историю, когда с одним типом случился припадок и его на «Скорой» увезли в больницу. Так что новых неприятностей нам не нужно, иначе у паба будет дурное имя.

Артур перевернулся было, чтобы, устроившись поудобнее, еще глубже провалиться в сон, но тут ему в лицо ударил свет, он открыл глаза и увидел белую куртку и покрасневшее лицо официанта.

– О господи, – с трудом выговорил он.

– Господь тебе не поможет, – бесстрастно заметил официант. – Давай поднимайся, ступай наружу да глотни немного свежего воздуха, полегчает.

Официант попытался поднять его на ноги, и Артуру, отнюдь не старавшемуся ему помочь, сделалось очень хорошо, как когда он лежал в больнице и медсестра всячески хлопотала над ним, постоянно повторяя, чтобы он не двигался, иначе пробудет в постели еще неделю. Это было два года назад, после того как он попал под грузовик на пути в Дерби. Но у официанта имелась на этот счет другая точка зрения, и, придав Артуру сидячее положение, он с присвистом выдохнул:

– Ну, все. Довольно. Не умер же ты. Валяй, дальше сам.

Когда над Артуром раздвинулись и тут же сомкнулись еще чьи-то ноги – каблук ботинка при этом врезался ему в плечо, – он громко и на сей раз вполне внятно вскрикнул:

– Эй, приятель, нельзя ли поаккуратнее? Смотри, куда оглобли тянешь. – Он повернулся к официанту. – Кое-кто любит в субботу вечером бутсы на ноги натягивать.

Мужчина остановился на середине лестницы:

– Нечего валяться у всех на пути. Пить не умеете, вот в чем беда с вами, нынешней молодежью.

– Это ты так думаешь, – огрызнулся Артур и, ухватившись за перила, рывком встал на ноги.

– Лучше тебе все же выйти на улицу, – грустно проговорил официант голосом человека, который надел черную мантию, чтобы вынести приговор. – Ты в таком состоянии, что больше эля мы тебе налить не можем.

– Да ничего такого со мной нет, – запротестовал Артур, чувствуя, что надвигается большая опасность.

– Точно, – с холодной усмешкой возразил официант, – ничего такого. Но все же, знаешь ли, не стоит так надираться.

Артур продолжал отрицать, будто он пьян, и говорил теперь так отчетливо, что официант, кажется, готов был ему поверить.

– Курни, приятель, – предложил Артур и зажег две сигареты без малейшей дрожи в руках. – Набегался, верно, нынче вечером, – добавил он так трезво, словно только что вышел на улицу и даже глотка пива не сделал.

Его слова тронули официанта.

– Не то слово, – пожаловался он. – Вымотался так, что ног под собой не чую. Право, эти субботние вечера когда-нибудь меня доконают.

– Да, веселой твою работу не назовешь, – сочувственно кивнул Артур.

– Это уж точно, – согласился официант и внезапно поделился, как с другом: – Людей не хватает, вот в чем все дело. Понимаешь, на такую работу никто не хочет наниматься и...

В этот момент в проеме двери появился хозяин паба – невысокий, жилистый, в костюме в тонкую полоску мужчина, в котором никто бы не признал хозяина, если бы не легкий налет власти в повадке и полная сосредоточенность во взгляде.

– Эй, Джим, – резко бросил он, – я не за то плачу своим официантам, чтобы они точили лясы с приятелями. Сегодня, сам знаешь, полно народа, так что поднимайся наверх и смотри, чтобы все были довольны.

Джим мотнул головой в сторону Артура:

– Понимаете, вот этот парень...

Но хозяин уже перевел горящий взгляд фанатика на что-то другое, и официант понял, что продолжать нет смысла. Он пожал плечами и пошел, как велено, заниматься своим делом, позволив Артуру пройти к стойке.

Крепко ухватившись за медные перила, он крикнул, чтобы ему налили пинту – единственную меру жидкости, которой хватило для начала избавления от жажды, вкусом напоминающей золу, что скопилась у него в гортани. Быстро расправившись с долгожданной пинтой, он потом незаметно для официанта проберется наверх и присоединится к Бренде – женщине, рядом с которой он сидел, пока не полетел с лестницы. Он все никак не мог поверить, что этот фокус случился именно с ним. Поначалу его память действовала как великодушный пропагандистский механизм, вместилище и горнило нравов, заставляющий считать, что он не мог напиться так, чтобы скатиться вниз по лестнице, что на самом-то деле именно так оно и было – он просто *спустился* и прилег на нижней ступеньке поспать. Такое с любым может случиться, особенно после целого дня работы на токарном станке под монотонный гул фабричных машин. Все же это объяснение звучало слишком уж успокоительно. Возможно, несколько ступенек он все же действительно пересчитал, ну да, теперь он вспоминает, что пролетел три-четыре ступеньки.

Артур заказал очередную пинту – третью. От изнеможения глаза его подернулись пленкой, и он готов был выпустить из рук перила у стойки бара, если бы в момент самого большого приступа слабости не дремлющий инстинкт самосохранения не заставил его стиснуть кулаки и с новой силой вцепиться в стойку. Его начало тошнить, и борьба с позывами рвоты отнимала последние силы. Он уже не был уверен, стоит ли после всего случившегося подниматься к Бренде, может лучше, пробормотал про себя Артур, допить свою пинту и вернуться домой, в постель – лучшее место на свете, когда чувствуешь, что с тебя довольно.

Бармен поставил перед ним кружку. Он заплатил шиллинг и восемь пенсов и едва ли не залпом опорожнил ее. Силы чудесным образом вернулись, и Артур заказал очередную пинту, подсчитав про себя: тринадцатая. Кое для кого многовато, но мы еще посмотрим, как обернется дело. Получив заказ, он начал отхлебывать, на сей раз помедленнее, но когда дошел до середины, позыв к рвоте стал настоящей потребностью, о чем упорно свидетельствовало бульканье в горле. Все же он допил пиво и с трудом закурил сигарету.

Дым попал Артуру в дыхательное горло, и ему едва хватило времени, чтобы ввинтиться в толпу, орудия локтями и расталкивая тех, кто, сам о том не подозревая, мешал ему пройти, задыхаясь от дыма, исторгавшегося теперь у него изо рта и ноздрей, испытывая

странное ощущение, будто его влечет некая непреодолимая сила, с которой он не может справиться, покуда он не дал волю позыву, мучившему его с тех самых пор, как он скатился по лестнице, и оглушительно рыгнул прямо над головой пожилого мужчины, сидевшего с женщиной на одном из сидений, обитых зеленой кожей.

– О господи! – вскричал мужчина. – Ты только посмотри! Посмотри, что натворил этот молодой бездельник. Мой лучший костюм. Только сегодня почистили и погладили. Глазам не верю! О господи, господи! Да я пятнадцать шиллингов выложил. Что, деньги на дереве, что ли, растут? Вместе с костюмами? Ну и как я теперь ототру эти пятна? О боже!

Жалобный голос звучал еще несколько минут, и те, кто наблюдал эту картину, все ждали, когда же сетования перейдут в настоящие рыдания. Артур застыл на месте, не в силах поверить, что разыгрывающаяся на его глазах трагедия может быть каким-то образом связана с ним и соблазном, которому он только что уступил. Тем не менее помутившееся сознание, сигаретный дым, а также визгливые выкрики спутницы мужчины – все это подсказывало, что да, он виноват и ему следовало бы пожалеть о содеянном.

Артур стоял прямо, напряженно, слегка покачиваясь, глаза его блеснули, пальто было расстегнуто. Он механически пошарил в кармане в поисках очередной сигареты, но, вовремя вспомнив, к чему привела прошлая попытка закурить, отказался от этого намерения и уронил руки по швам.

– Посмотри, что ты наделал, гаденыш, – не унималась женщина. – Облевал лучший костюм Альфа. И посмотрите только на него: стоит себе и в ус не дует. Может, все же скажешь что-нибудь? А? Может, хотя бы извинишься?

– Правда, рот-то открой, – бросил кто-то из свидетелей этой сцены, и по его тону Артур понял, что люди не на его стороне, хотя сказать что-нибудь в свою защиту не мог – язык ему не повиновался. Он не сводил глаз с женщины, которая не переставала кричать на него, в то время как жертва безуспешно пыталась очистить костюм при помощи носового платка.

Женщина стояла в футе от Артура.

– Посмотрите на него! – визгливо выкрикивала она ему прямо в лицо. – Бесчувственный тип. Слова сказать не может. Даже извиниться неспособен. Ты почему не извиняешься, а? Извиняться не умеешь? Наркотой, видно, накачался, да и набрался вдобавок. Видала я таких гуляк, от них одни неприятности. Ну, извинись же.

По непрерывному повторению слова «извинись» можно было подумать, что она либо только что узнала его значение – может, после неполадок в телевизоре, – либо произнесла впервые с тех пор, как сорок лет назад, в школе, прочитала по складам слово, написанное цветным мелком.

– Извинись! – кричала она, едва не прижимаясь к Артуру своим раскрасневшимся от гнева лицом. – Ну же, извинись.

Зверь, поселившийся в желудке Артура, вновь разомкнул челюсти и внезапно и безжалостно, не дав себя остановить и не отступив в сторону, не предупредив о своем появлении, с угрожающим рыком выскочил у него изо рта.

Женщина была потрясена. В туманной дымке лицо ее обрело несколько более отчетливые очертания. Артуру были видны зубы в приоткрытых губах, суженные глаза, выпущенные когти. Тигрица.

Больше он не видел ничего. В последний момент, перед тем как она бросилась на него, Артур, влекомый мощным инстинктом самосохранения, собрал все свои силы и пробился сквозь толпу к входной двери, оставляя позади сцену, где смешались фарс, трагедия и нечто подобное воздаянию.

Он негромко постучал в дверь дома, где жила Бренда. Никто не откликнулся. Этого можно было ожидать. Дети спят, ее муж Джек уехал в Лонг-Итон на соревнования – собачьи и конские бега и мотоциклетные гонки – и вернется только в полдень воскресенья, а сама

Бренда осталась в пабе. Сидя на крыльце перед входом, он вспомнил свой поход к ее дому: в памяти смутно шевелились картины сражений с фонарными столбами, стенами и каменными бордюрами тротуаров, столкновения с людьми, велевшими ему смотреть по сторонам и грозившими врезать, сердитые голоса и неприветливая каменная кладка домов и тротуаров.

Стояла мягкая осенняя ночь, в ветре растворялись случайные звуки – кто-то захлопнул дверь, кто-то запер оконную раму. Артур лежал поперек крыльца, стараясь держаться подальше от тротуара. Кто-то прошел мимо, напевая веселую песенку и не замечая ничего вокруг себя. Артур наполовину спал, но время от времени открывал глаза, чтобы убедиться, что улица по-прежнему на месте, и заверить себя, что он не в кровати, хотя жесткая каменная ступень была такой же круглой и мягкой, как подушка. Он испытывал чувство отрешенного блаженства, ибо отвратительные позывы к рвоте прошли, а вместе с тем в организме сохранялось достаточное количество алкоголя, чтобы испытывать одновременно душевный подъем и желание погрузиться в сон. Артур решил провести любопытный эксперимент – заговорить вслух, дабы выяснить, способен ли он услышать собственный голос. «Наплевать, наплевать, наплевать», – бормотал он в ответ на приходящие в голову вопросы, хорошо ли это – спать с женщиной, у которой есть муж и двое детей, напиваться как свинья, залив в себя семь порций джина и бессчетное количество пинт пива, скатываться с лестницы и блевать на незнакомых мужчину и женщину. Блаженство и чувство вины объединили усилия таким образом, что уже не вызывали тревоги, но просто погружали в приятное безразличие. Следующее, что он увидел, была Бренда; наклонившись, она больно упиралась негнущимися пальцами в его ребра.

– Ага! – заворчал он, уловив исходящий от нее запах дрожжей и хмеля. – Пьянствовала!

– Кто это говорит! – возмутилась она, размахивая руками так, словно привела с собой целую кучу зрителей. – Всего-то две пинты выпила и три оранжада, а он что-то там толкует о пьянке. Зато я все увидела в пабе – как ты скатился с лестницы и облевал людей.

Артур встал на ноги – твердо, с ясной головой.

– Но теперь-то, цыпленок, я в норме. Извини, что не получилось вернуться к тебе там, в пабе, право, не знаю, что со мной стряслось.

– Как-нибудь расскажу, – рассмеялась Бренда. – А сейчас не шуми, когда в дом войдем, а то дети проснутся.

Поосторожнее, сказал он себе, соседи, которым до всего есть дело, могут проболтаться Джеку. Он откинул у нее с воротника пальто прядь волос и поцеловал в шею. Бренда раздраженно обернулась:

– Неужели нельзя дождаться, пока поднимемся наверх?

– Нельзя, – с насмешливой ухмылкой признался Артур.

– Все равно придется, – сказала она, открывая перед ним дверь.

Пока Бренда возилась с замками и задвижками, Артур стоял посреди гостиной, вдыхая слабые запахи резины и машинного масла, исходящие от велосипеда Джека, прислоненного к огромному, чуть не во всю стену, посудному шкафу. Это было небольшое полутемное замкнутое пространство с его давно привычными приметами быта другого мужчины: старомодные стулья, кушетка, камин, настольные часы, тикающие на каминной полке, запах грубой оберточной бумаги и земли в цветочных горшках, обычный налет пыли, оставшаяся с зимы сажа в дымоходе, запах плесени, пропитавшей ковровые дорожки под столом и камином. Бренде эта комната известна все те семь лет, что она замужем за Джеком, и все же она не могла сродниться с ней так, как Артур за десять секунд, пока она возилась с ключами.

Он зацепился за педаль велосипеда и, вскрикнув от боли, выругал про себя Джека за дурость: зачем ставить его в таком неудобном месте?

– Ну и что он себе думает, как мне войти сюда, когда на пути торчит эта хреновина? – ухмыльнулся он. – Передай ему, что я велел на следующей же неделе переставить ее во двор, чтобы не торчала у всех на виду.

– Тихо ты, – прошипела Бренда, и, словно два вора, они скользнули в столовую, где при свете электрической лампы виднелись все еще остающиеся на столе следы ужина – чайные чашки, тарелки, банка с повидлом, хлеб. Из ближайшего двора донесся кошачий визг, хлопнула крышка мусорного бака.

– Ну и что? – в полный голос сказал Артур, распрямляясь во весь свой рост. – Какой смысл шептаться, когда снаружи такой тарарам?

Они стояли между столом и каминной решеткой, и Бренда закинула ему руки за шею. Целуя ее, Артур повернул голову так, чтобы увидеть самого себя в овальном зеркале над полкой. Рассматривая себя под таким углом, он с расширившимися глазами отметил всклокоченные коротко стриженные волосы, торчащие, как иглы дикобраза-блондина, и заживающий на щеке след от старого прыща.

– Не надо сегодня слишком долго задерживаться, Артур, – нежно сказала Бренда.

Он выпустил ее и, зная здесь каждый уголок как свои пять пальцев и действуя так, словно это был его дом, стянул куртку и рубашу и прошел в посудомоечную, чтобы стереть с лица следы усталости. Оказавшись в постели, заснут они не сразу, и ему хотелось оставаться свежим в течение хотя бы часа, а уж потом он отправится в бесконечный спуск по теплому ложу, ощущая рядом с собой податливое тело Бренды.

Было десять утра, а она все еще спала. Солнце пробивалось сквозь окно, принося со своими лучами уличный шум: воскресный перезвон бутылок в сумках молочников, совершающих обход района, голоса мальчишек – разносчиков газет, перекрикивающихся друг с другом, цокая каблучками по тротуару и рассовывая по почтовым ящикам свернутые газеты с кроссвордами, прогнозом погоды, спортивными новостями и новостями скандальными, которые будут сладострастно и вместе с тем лениво обсуждаться за тарелкой с беконом и помидорами, под кружку крепкого сладкого чая.

Артур повернулся к Бренде, грузно лежащей рядом с ним, и сел, чтобы рассмотреть ее получше. Она бесшумно дышала, волосы рассыпались по подушке, груди, высовывавшиеся из комбинации, прикрывала полная гладкая рука, словно в попытке защититься от чего-то, испугавшего ее во сне. Артур услышал, что в спальне на противоположной стороне лестничной площадки играют двое ее детей.

– Это мой медвежонок, это наш Джеки, – говорил один. – Отдай немедленно, иначе скажу маме.

В ответ донеслись приглушенные угрозы другого, не желавшего расставаться со своей добычей.

Артур блаженно скользнул под одеяло.

– Бренда, – негромко позвал он, – вставай, цыпленок, просыпайся.

Она повернулась и прижалась лицом к его груди.

– Сладкая ты моя, – прошептал он.

– Который час? – невнятно пробормотала Бренда, обжигая его кожу своим горячим дыханием.

– Половина двенадцатого, – соврал он.

Она вскочила с кровати – на одной щеке следы от смятой простыни, карие глаза широко открыты.

– В своем репертуаре, да? – взвизгнула она. – Из всех вралей, которых я когда-нибудь знала, ты самый бессовестный.

– Ну да, приврать я всегда любил, – ухмыльнулся он. – И у меня это недурно получалось.

– Врала долго не живут, – парировала Бренда.

– Ладно, сейчас только десять, – признал он, потрепав ее по затылку.

– Ну и денек вчера был, – вспомнила вдруг Бренда и засмеялась.

Его память тоже ожила. Пойла из него наружу вышло больше, чем из Болтуна, потом он скатился с лестницы и заблевал какую-то парочку.

– Кажется, тыща лет прошла. – Артур засмеялся, обнял любовницу за плечи, поцеловал в губы, потом в шею, в грудь, прижался ногой к ее бедру. – Ты у меня такая красotka, Бренда. Давай-ка ляжем.

– Мам, – донесся до них чей-то жалобный голосок.

Бренда оттолкнула Артура.

– Возвращайся в кровать, Джеки.

– Уже поздно, – захныкал малыш за дверью. – Я хочу чаю.

– Ложись, я сказала.

Они услышали шаркающие детские шажки.

– Хочу поздороваться с дядей Артуром, – капризно протянул Джеки.

– Вот негодник, – беззлобно пробормотал Артур, смиряясь с неизбежностью. – Даже в воскресное утро покоя нет.

– Не дразни его. – Бренда уселась на кровати и оправила комбинацию.

Джеки не унимался. Теперь он сильно пнул пяткой дверь.

– Дядя Артур, можно войти?

– Негодник ты этакий.

Мальчик засмеялся, понимая, что теперь ему ничего не грозит.

– Ступай вниз, в гостиную, и притащи-ка сюда «Новости», газету только что сунули в почтовый ящик. Тогда я тебя впущу.

Босые подошвы приглушенно застучали по деревянным ступеням. Артур и Бренда слышали, как мальчик быстро спустился в гостиную, затем, задыхаясь, понесся вверх по лестнице. Они отпрянули друг от друга в тот самый момент, когда Джеки ворвался в спальню. Мальчик швырнул газету на кровать и, прыгнув следом, зажал ее между своим животом и ногой Артура. Тот вытащил газету, одной рукой поднял паренька на воздух и держал, пока тот не начал икать и задыхаться от смеха. Тогда Бренда велела опустить его, а то вдруг еще припадок случится.

– Юный Джеки, – проговорил Артур, глядя на возбужденное личико пятилетнего ребенка с нежной кожей и светлыми волосами, такого свежего в своей детской рубашонке и чистого после утреннего купанья. – Ах ты, маленький негодник, юный Джеки, юный жокей. – Он опустил его, и мальчик прижался к нему, ласкаясь, как кролик.

– Слушай, – сказал Артур, дыша ему в ухо, – а теперь поднимайся и притащи мне брюки вон с того стула. Получишь шиллинг.

– Не порть ребенка, – сказала Бренда, прикасаясь к нему под одеялом. – У него и без того довольно денег. – Она выбралась из постели и сняла висевшую на нижней перекладине кровати юбку. Артур и Джеки оба, не отводя глаз, смотрели, как она одевается, явно поглощенные разнообразными тайнами тела, которые исчезали одна за другой под каждым очередным предметом одежды.

– Ну и что? – возразил Артур, вынужденный оправдывать свою щедрость. – Что плохого в том, что я дам ему монету? Мне и самому в детстве перепало по полпенни.

Для воскресного утра Бренда была одета легко и просто: светлая блуза с открытым воротом, просторная серая юбка, туфли без задников. Волосы она небрежно скрутила на затылке.

– Все, Артур, поднимайся. Скоро одиннадцать. До двенадцати ты должен уйти из дома, вряд ли Джек обрадуется, увидев тебя здесь.

– Вот ублюдок, – пробурчал Артур, удерживая Джеки на вытянутых руках и строя ему рожицы. – Вот ты кого любишь? – спросил он и громко рассмеялся. – Кого ты любишь, юный пират?

– Тебя, тебя, – заверещал малыш, – тебя, дядя Артур.

Тут Артур отпустил его, и Джеки глухо шлепнулся на смятые простыни.

– Ладно, довольно, – нетерпеливо бросила Бренда, которой надоело наблюдать за этой сценой, – пошли вниз.

– Иди одна, цыпленок, – ухмыльнулся Артур, – и приготовь мне завтрак. А я спущусь, когда почую запах яиц и бекона.

Мальчик смотрел куда-то в сторону, и Бренда наклонилась, чтобы поцеловать Артура. Он крепко обнял ее за шею и все еще не отпускал, когда Джеки повернулся и с любопытством посмотрел на взрослых.

В половине двенадцатого Артур сидел за столом. Перед ним стояла тарелка яичницы с беконом. Он разломил пополам кусок хлеба и обмакнул в соус, затем сделал большой глоток чая. Джеки, уже поевший, забрался на ближайший стул и внимательно следил за происходящим своими голубыми глазами.

– Полет с лестницы – та еще работенка, после нее все время пить хочется, – сказал Артур. – Плесни-ка мне еще чайку, цыпленок.

– Сахара побольше? – Бренда свободной ладонью прижала газету к груди.

Артур кивнул и снова принялся за яичницу.

– Ты меня балуешь, – сказал он, – и не думай, что я не ценю этого.

– Очень хорошо, но если ты не поторопишься, это будет твой последний завтрак в этом доме. Джек вот-вот вернется.

Завтра рабочий день, я буду вкалывать до пота всю неделю, до следующих выходных. И что бы это была за жизнь, если не расслабляться время от времени. Он сказал Бренде, что у него сейчас на уме.

– Ни сна ни отдыха любителям жареного, – рассмеялась Бренда.

Артур протянул Джеки добрый кусок бекона:

– Подарок от дяди Артура.

– Ух ты! – оценил оказанную честь малыш, но не успел даже впиться в него зубами.

Бренда вдруг выпрямилась на стуле и слегка повернула голову к окну, застыв, как животное, готовое к прыжку, отчего лицо ее на мгновение сделалось некрасивым. Артур заметил это и поперхнулся чаем.

– Это он, – сказала Бренда. – Я слышала, как стукнула калитка.

Артур поднял Джеки на руки и поцеловал его в губы, чувствуя, как руки мальчика тесно прижимаются к его лицу и ушам. Потом встал со стула и поцеловал Бренду.

– Пока, – бросил он, – на неделе увидимся. – И зашагал в сторону гостиной. У велосипеда Артур на секунду задержался, чтобы зажечь сигарету.

– Иди, не копайся, – зашептала Бренда, видя, что муж открывает калитку и входит во двор.

Артур отпер и потянул на себя входную дверь, вдыхая свежий воздух воскресного утра, словно прикидывая, достаточно ли хорош день, чтобы выйти на улицу. День был хорош. Артур захлопнул за собой дверь в тот самый момент, когда Джек вошел в дом с черного хода, через посудомоечную.

Глава 2

Он снял со спинки кровати свежий комбинезон и сунул в штанины свои большие белые ступни, старясь не потревожить брата Сэма, который, не просыпаясь, уютно перевалился на гору одеял, образовавшуюся на оставленной Артуром кровати. Он часто слышал, как пятницу именуют Черной – по названию одного из давних фильмов Бориса Карлова, – и всегда удивлялся такому определению. Ибо пятница – день получки, хороший день, а слово «черный» больше подходило бы понедельнику. Черный понедельник. В этом есть хоть какой-то смысл: голова раскалывается после пьянки, в горле саднит от песен, глаза затуманены после просмотра слишком большого количества фильмов или сидения перед телевизором, в душе чернота и злоба, ибо в очередной раз начинается тягостная рабочая неделя.

Внизу со скрипом открылась дверь на лестницу.

– Артур, – окликнул его отец мертвенно-угрожающим понедельничным голосом, от которого внутренности переворачиваются, потому что исходит он, кажется, из могилы, – ты оторвешь когда-нибудь задницу от кровати? На работу опоздаешь. – Он негромко, чтобы не разбудить мать и еще двух других остающихся пока в доме сыновей, прикрыл дверь.

Артур взял с каминной полки полупустую пачку сигарет, расческу, десятишиллинговую банкноту, горсть монет, сохранившихся после посещения пабов, букмекерские выкладки, масленки и рассовал все это по карманам.

Внизу снова заскрипела дверь.

– Ну?

– Я только сейчас тебя услышал, – прошептал Артур.

В ответ раздался громкий стук.

Последовала необходимая кружка чая, а потом – привычный конвейер.

Понедельник – всегда самое худшее; к среде втягиваешься в работу, как борзая в погоню. Ладно, туда-сюда, подумал он, но всегда остается Бренда, славная Бренда, с которой так хорошо и которая, если уж решилась, всегда приласкает. До тех пор, конечно, пока Джек не узнает и не захочет свернуть ему шею. Тот еще денек будет. А он, видит бог, настанет. Только сначала я сам ему пасть порву, этому недоумку, растяпе, несчастному ублюдку.

Артур еще раз осмотрел тесную спальню, поочередно останавливая взгляд на двуспальной кровати, придвинутой к окну, блестящем белом горшке, потрескавшихся книжных полках с хозяйством Сэма – линейками, карандашами и ластиками – и самодельном столе, на котором стоял его переносной радиоприемник. Он откинул щеколду в тот самый момент, когда отец в очередной раз потянул на себя лестничную дверь и задрал голову, готовый проскрипеть своим угрожающим, бередящим внутренности понедельничным голосом, что пора спускаться.

Однако, несмотря на сердитый тон, Артур застал его за столом умиротворенно потягивающим чай. В усовершенствованной печке – семья потратила на это тридцать фунтов – весело потрескивал огонь, в комнате было тепло, стол накрыт и чай заварен.

Ситон оторвался от кружки.

– Шевелись, Артур. Времени всего ничего. Сейчас десять минут восьмого, а в половину нам выходить. Глоток чаю – и двигаем.

Артур сел и вытянул ноги к печке. После чашки чая и сигареты «Вудбайн» в голове прояснилось. Чувствовал он себя уже не так плохо.

– Слушай, па, так ты когда-нибудь ослепнешь, – ни с того ни с сего сказал он, вытягивая слова наугад, из воздуха, забавы ради, готовый к любым последствиям, которые они могут вызвать.

Ситон непонимающе посмотрел на сына. Он был старше, и в висках у него все еще шумело, – чтобы привести себя в порядок, понадобится десять чашек чая и столько же «вудбайнов».

– О чем это ты? – требовательно осведомился он. До десяти утра ему было трудно что-либо втолковать.

– О том, что сидишь перед ящиком как приклеенный. Не отлипаешь от него с шести до одиннадцати, и так каждый вечер. Ничего хорошего в этом нет. В один прекрасный день ты ослепнешь. Как пить дать. На прошлой неделе я читал в «Пост», что один парень из Меддерса как раз таким макаром и лишился зрения. Правда, он еще может выкарабкаться, каждые понедельник, среду и пятницу ходит в глазную клинику. Но все равно это большой риск.

Отец налил себе очередную чашку чая и сердито насупил черные брови. Приземистый, крепко сбитый, Ситон никогда не раздражался и даже легкого недовольства не выказывал. В любом обществе он либо был весел и непоседлив, либо, сдвинув брови, меланхолически погружался в безмолвный гнев, жертвой которого мог стать кто угодно. Иное дело, что в последние несколько лет круг этих последних сузился, ибо Артур, как и его брат Фред, уже прошел службу в армии, и начал работать на фабрике, и теперь стоял с ним вровень, обеспечивая баланс сил, что более или менее поддерживало мир в доме.

– Уверен, что хуже от телевизора никому еще не стало, – возразил Ситон. – К тому же ты что, газетам, что ли, веришь? Если так, то тебе нужно мозги проверить. Они же только и умеют, что врать. Это-то я точно знаю.

– Я бы на твоём месте не был так уверен, – сказал Артур, выбрасывая потухшую сигарету в печку. – И между прочим, я знаком с одним типом, который точно знает, что этот парнишка таки ослеп. Так что на сей раз газеты, возможно для разнообразия, не соврали. Там написано, что люди видели, как мамаша вела его в глазную больницу. Черт-те что, говорят. Мальчишке семь, говорят. Она вела его за руку, а в другой руке у него была специально вырезанная палка, белая. Я еще слышал, что ему покупают собаку-поводыря, жесткошерстного терьера. Поговаривали, что, если ему не станет лучше, его могут поставить до конца жизни стоять перед мэрией с жестянкой в руках. У его отца рак, и его мать не может позволить себе ни белых палок, ни собак.

– По-моему, ты спятил, – заявил Ситон. – Рассказывай свои истории в другом месте. А о моих глазах можешь не волноваться. Глаза у меня всегда были хорошие, и всегда будут. Когда я проверялся перед войной, зрение у меня было А1, только, – с гордостью добавил он, – я всех облапошил, и мне записали 3С².

Тема исчерпала себя. Отец нарезал хлеб и сделал несколько сэндвичей из оставшегося от субботнего ужина мяса. Артур вдоволь над ним поиздевался, но в какой-то степени он и сам был рад, что в углу столовой стоит телевизор – полированный деревянный ящик, выглядевший, как ему казалось, так, словно его тайком вытащили из космического корабля. Старик наконец привалило счастье, и он его заслужил после многих лет жизни на пособие перед войной с пятью детьми – в нищете, без денег и надежды найти хоть какой-то выход. И вот теперь у него есть сидячая работа на фабрике, в избытке сигарет «Вудбайн», деньги на пинту пива, если захочется выпить, хотя вообще-то он не пьет, возможность провести где-нибудь отпуск или съездить в Блэкпул за счет фирмы, да еще телевизор дома. Разницу между жизнью до и после войны словами не опишешь. Во многих отношениях война – отличная штука, особенно если подумать, скольким в Англии она облегчила жизнь. «Ну, мне-то от нее ничего не обломилось», – подумал Артур.

² Категория А означает, что призывник годен к службе, тогда как категория С означает стойкую потерю здоровья призывником – в подобных ситуациях в армию, как правило, не призывают. – *Примеч. ред.*

Он сунул в карман пакет с сэндвичами и флягу с чаем и дождался, пока отец натянет куртку. Едва выйдя из дома, они сразу услышали шум, доносящийся с фабрики, что находилась отсюда в каких-то ста ярдах, за высокой стеной. Генераторы завывали всю ночь, а днем огромные фрезерные станки скрипели в цехах своими рычагами и зубцами, отчего у людей в домах создавалось ощущение, будто живут они в непосредственной близости от какого-то монстра, страдающего несварением желудка. Запахи дезинфекции и смазки, свежей стальной стружки отравляли воздух окраины, где фабрику окружали четырехквартирные дома, улицы и балконы, нависающие над ее тушей и боками, словно телята, сосущие вымя гигантской коровы. Каждый год фабричный отдел доставки направлял упакованные в ящики велосипедные части по Эддисон-роуд на железную дорогу, где ожидали дрезины, способствуя, таким образом, росту послевоенной (а может, думал Артур, и довоенной, потому что война может начаться хоть завтра) экспортной торговле и налаживанию понтонного сообщения на реке (ее называли Стерлинговый Счет), через которую обычные мосты не перекинешь. Тысячи работающих на фабрике людей приносили домой хорошее жалование. Это была уже не почасовая работа, как до войны, и увольнение, если задержишься на десять минут в туалете, чтобы прочитать «Футбол пост», уже не грозило – теперь, если десятник начинал наезжать, всегда можно было послать его куда подальше и найти другую работу. И не нужно было больше бежать в обеденный перерыв за кульком жареной картошки, чтобы съесть ее с принесенным из дома куском хлеба. Сейчас за то, что горбатишься на сдельной работе, получаешь хорошее жалование, а в столовой тебя ждет горячий обед за шиллинг. С зарплаты можно скопить на мотоцикл или даже подержанную машину или все спустить за десять дней, кутя напропалую. Потому что сейчас нет смысла копить деньги из года в год. Это игра для дураков – денежки-то дешевеют, и к тому же кто скажет, когда янки придет в голову какая-нибудь безумная идея, типа сбросить на Москву водородную бомбу. А в таком случае останется лишь помахать всем рукой, сжечь футбольный абонемент и лотерейные карточки и позвонить Билли Грэму³. «Если, конечно веришь в Бога, – сказал он себе, – а я в него не верю».

– Пробирает что-то, – произнес отец, застегивая пальто доверху.

– А чего ты хотел, ведь уже ноябрь, – откликнулся Артур. Не то чтобы у него не было пальто, но на работу он его никогда не надевал, даже если на земле уже лежал снег, а в воздухе было морозно. Пальто существует для вечерних выходов, когда на тебе нормальная одежда. Когда живешь в пяти минутах ходьбы от фабрики, по дороге разогреваешься, а там – станок, он живо кровь по жилам разгонит... Пальто носят только те, кто живет в Мансфелде и Киркби, потому что в автобусах холодно.

Толстуха миссис Булл, местная сплетница, стояла во дворе, сложив свои мясистые руки поверх фартука, и смотрела, как люди идут на работу. Краснолицая, с глазами-пуговками, она бдительно защищала интересы своего племени – королева двора, жившая здесь двадцать два года и заслужившая прозвища Всемирные новости и Репродуктор, ибо с утра до полудня не спускала глаз с фабрики, процеживая слухи, которыми потом торговала в розницу. Ни Артур, ни его отец, проходя мимо, с ней не поздоровались, да и друг с другом словом не обмолвились, пока не прошли до середины улицы.

Улица была длинная, прямая, замощенная булыжником, с фонарными столбами и переходами через равные промежутки, с разбросанными тут и там палисадниками. Выходишь из дома – и сразу оказываешься на мостовой. Охряный цвет крыш потемнел от сажи, краска на стенах домов выцвела и пошла трещинами, на всем лежала печать столетней древности, кроме разве домашней мебели.

³ Всемирно известный американский проповедник (р. 1918).

– Ну до чего только люди не додумаются! – проворчал Ситон, подняв голову и увидев возле почти всех дымоходов телевизионные антенны, похожие на цепь радаров, настроенных на волну несбыточной мечты.

У большой кирпичной столовой они повернули на Эддисон-роуд. Ноябрьское небо было ясным и темно-синим, кое-где еще поблескивали звезды.

– У каждого будет свой маленький вертолет, – с готовностью откликнулся Артур. – Вот увидишь. Бери кредит на десять лет, плати пять шиллингов в неделю с процентами, и будешь летать в Дерби к приятелю на обеденный перерыв.

– Размечтался, – фыркнул отец.

– А еще я читал в газете, – продолжал Артур, – на прошлой неделе, по-моему, в четверг, точно, я еще, помню, обжимку⁴ в нее завернул, – так вот, там написано, что через пять лет человек на Луну полетит. А через десять будут летать туда-обратно. А что, похоже на правду.

– Ты совсем чокнулся, Артур, – засмеялся Ситон. – И когда только вырастешь и перестанешь сказки рассказывать. Тебе ведь уже почти двадцать два. Мог бы хоть что-то сообщать. Я думал, армия тебя научит уму-разуму, но, выходит, не научила.

– Единственное, чему может научить армия, – огрызнулся Артур, – так это чтоб больше никогда не захотеть служить в армии. Тут они большие мастаки.

– Когда я был молодым, – задумчиво проговорил Ситон, – не было даже беспроводных радиоприемников. А нынче, гляди-ка, – телевизоры. Картинки на дому.

Их поглотил поток: велосипеды, автобусы, мотоциклы, пешеходы, торопящиеся успеть проскочить через одну из семи проходных до половины восьмого. Артур с отцом прошли через шестигранное административное здание, расположенное посреди широкой проезжей части и разделяющее фабрику на две неравные части. Ситон работал в сборочном цеху и через сто ярдов свернул в сторону.

– Увидимся в перерыв, Артур.

– Пока, па.

Артур шел длинным коридором, нащупывая во внутреннем кармане пропуск и вдыхая, как и каждое утро с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать – за вычетом двух лет армейской службы, – фабричные запахи смазки, моторного масла и металлической стружки, от которых появляются и пыльным цветом расцветают на лице и плечах прыщи, которые всего тебя превратят в один огромный прыщ, если не становиться каждый вечер на полчаса под душ. Что за жизнь, подумал он. Тяжелая работа, хорошие деньги и запах, от которого кишки сводит.

Звонкий понедельничный сигнал к началу работы показался скрежетом, совершенно отличным от музыки, звучавшей в душе Артура. Оказавшись в цеху, он сразу погрузился в мир разнообразных шумов и двинулся вдоль вереницы токарных и фрезерных станков, полировальных машин, ручных прессов, приводимых в движение множеством ремней и шкивов, вращающихся, извивающихся и хлопающих на втулках тяжелых, хорошо смазанных колес, нависающих над головой. Они, в свою очередь, питались от двигателя, застывшего в дальнем конце цеха черной блестящей тушей выброшенного на берег кита. Почти невидимые за спинами рабочих станки, снабженные собственными небольшими двигателями, дергались со стоном и постепенно начинали завывать, отчего все сильнее кружилась голова и в висках пульсировала боль. Эта боль особенно сильно ощущалась после мирных выходных, которые для Артура закончились ловлей форели в прохладной тени поросшего ивами берега канала недалеко от домов, именуемых Воздушными шарами, в нескольких милях от города. По центральным проходам взад-вперед сновали дрезины, перевозящие готовую продукцию – педали, ступицы, цепи, болты – из одного конца цеха в другой. За стеклянной перегородкой,

⁴ Имеется в виду приспособление для обминания электрических кабелей. – *Примеч. ред.*

над кипой только что составленных табелей учета склонился десятник Роббо. Женщины и девушки в шляпках или сетках для волос, мужчины и подростки в чистых синих комбинезонах начинают работу, им не терпится начать дневную смену. Меж тем уборщики и подметальщики уже деловито расхаживают по проходам, готовые по любому знаку заняться своим делом.

Артур дошел до своего токарного станка, снял куртку и повесил ее на ближайший гвоздь, чтобы видеть свои вещички, потом нажал на кнопку, и мотор с легким всхлипом ожил. Если приглядеться, могло показаться, что, несмотря на адский грохот всех этих безостановочно движущихся механизмов, никто никуда особенно не торопился. Артур улыбнулся про себя, вытащил из верхней коробки высящейся рядом с ним груды блестящий металлический цилиндр и закрепил его на оси. Затем выплюнул окуроч в мыльницу, приладил станину и вставил револьверную головку в самое широкое отверстие цилиндра. Ему понадобились две минуты, чтобы оценить точное положение резца и цилиндра, после чего он поплевал на ладони, потер их, включил трансмиссию, нажал на кнопку, заставляющую ось вращаться, и направил дрель в узкий паз. Утро понедельника перестало казаться страшным.

При средней выработке четырех-шести изделий с сотни заготовок отработаешь свое жалованье, если выточишь тысячу четыреста деталей в день – что возможно, даже если не очень сильно напрягаться, – а если попотеть и выдать утром тысячу, после обеда можно филонить – поточить ляды с женщинами, остановиться поболтать с друзьями. Такое времяпровождение порой едва не доводило Артура до беды, как, например, несколько недель назад, когда он придавил мышь, не замеченную раскормленными фабричными кошками, и подложил ее под дрель одной из работниц, а Роббо-босс услышал истошный вопль и выскочил из своей конторки, решив, что у какой-то дурехи волосы попали в приводной ремень (по всей фабрике развешаны объявления, где большими буквами написано, что работницы должны надевать сетку на голову, но разве с женщинами можно быть в чем-нибудь уверенным?). Какова же была его радость, когда выяснилось, что весь сыр-бор разгорелся из-за дохлой мыши. Тем не менее он двинулся по проходу, выясняя, кто же все-таки придушил мышь, и, дойдя до Артура, всячески отрицавшего свою причастность к этому делу, сказал:

– Уверен, что это твоих рук дело, негодник ты этакий.

– Моих, мистер Роббо? – Артур выпрямился во весь рост с видом оскорбленного достоинства. – Да у меня столько работы, от станка не отойти. К тому же я никогда не позволяю себе обидеть женщину, вы и сами это знаете. Это против моих правил.

– Ну, не знаю. – Роббо пристально посмотрел на него. – Кто-то ведь это сделал, и мне кажется, что это ты. Вот что я скажу, если меня спросить: уж больно ты смахиваешь на красного.

– А вот это уже клевета, – возмутился Артур. – Придется переговорить с моими адвокатами. Тут тысяча свидетелей найдется.

Роббо вернулся к себе в конторку, мрачно посмотрев на сидевшую внутри девицу, а заодно и на всех остальных, кому могло прийти в голову обратиться к нему за чем-нибудь в ближайшие полчаса. Артур же, как и подобало образцовому рабочему, трудился за своим станком.

Хотя четыре-шесть с сотни – норма божеская, жаловаться не приходится. Время от времени подходил нормировщик, наблюдал за твоей работой, и если понимал, что ты можешь делать сотню заготовок меньше чем за час, появлялся Роббо и заявлял, что в один прекрасный день ты получишь на шесть пенсов или шиллинг меньше. Так что если почувствовал, что над тобой нависла тень нормировщика, ты знаешь, что делать, – если, конечно, хоть какие-то мозги есть. Каждое твое движение должно быть основательным, хотя и замедляться тоже не надо – это значило бы перерезать собственное горло. Действовать следует сосредото-

точно, но в то же время с точным расчетом времени. Проклинаемый всеми как злейший враг, нормировщик выглядел при этом человеком безобидным, ходил всегда немного сутулясь, в очках, курил те же сигареты, что и все, носил поверх голубого костюма в полоску коричневый служебный халат, был лыс, как шляпка гриба, и хитер, как лисица. Поговаривали, что с каждого понижения зарплаты, сделанного по его докладу, он получает комиссионные, но это, решил про себя Артур, всего лишь злостные слухи, распускаемые теми, у кого только что отняли шиллинг. Если столкнуться с нормировщиком по дороге с работы домой, он здоровался, а ты кланялся в ответ, независимо от того, обидели тебя недавно или нет. Артур всегда принимал подобные знаки внимания с подчеркнутой вежливостью, потому что когда нормировщик возникал за его спиной, тут же снижал скорость до расчетной сотни, хотя однажды, замешкавшись с выполнением дневной нормы, сработал четырехеста. Как-то раз он, интереса ради, прикинул, сколько заработает, если будет как сумасшедший выдерживать эту доводящую до колик в желудке, сногшибательную, стесывающую кожу на пальцах, презирающую любую дипломатию скорость – четырехеста в неделю, – и расчеты, произведенные на полях очередного номера «Дейли мейл», показали: тридцать шесть фунтов. Чего, конечно, поклялся он себе, никогда не будет, потому что на меня накинется, как свора собак, и уже на следующей неделе я буду корячиться за гроши. Вот он и остановился на вполне подходящих четырнадцати фунтах. Более высокий заработок означал бы, что ты просто выбрасываешь потом добытые тяжелым трудом деньги в широко распахнутые окна налогового ведомства – кормишь, как говаривала мамаша Артура, свиней вишнями, – а это тоже не в его правилах.

Таким образом, ему удавалось заработать себе на жизнь, несмотря на администрацию компании, нормировщика, десятника, а также наладчиков станков, которые всегда готовы перегрызть друг другу горло, за исключением тех случаев, когда объединяются, чтобы вцепиться в горло тебе, хотя, как правило, ты на них плюешь и вполне довольствуешься своими четырнадцатью монетами, орудуя бабкой, вдыхая запахи масла и металлической стружки, действуя механически, так что весь день в голове у тебя мелькают картины куда более яркие и приятные, нежели то, что ты видишь вокруг. Накручивать ходовой вал и стесывать стружку правой рукой все же легче, чем, например, водить грузовик, когда все время надо шевелить мозгами. Он вспомнил, как в армии один капрал сказал, что все кажется чудесным, когда сидишь в сортире – единственном месте, где тебе не мешают предаваться размышлениям. Ну а сейчас витать в облаках можно целыми днями. Один час наматывался на другой, с того момента, как погрузишься в мысли, и до того, как очнешься из-за вспышки, мелькнувшей в конторке десятника и означающей, что сейчас десять часов, и женщины в белых халатах начнут развозить тележки с чаем и торопливо разливать жуткое пойло из блестящих электрических чайников.

Артур отказывался от бесплатного чая, потому что он был слишком крепким, изготовленным не из лучших цейлонских сортов, а из складского мусора с добавлением соды из фабричной столовой. Однажды он пролил эту оранжевую смесь на скамейку – такова была его версия – и целых три часа пытался стереть пятно, но даже умельцы-механики не смогли ничего поделаться со следами этого неудобоваримого чая, которые оставались там, молча призывая приносить на работу собственное питье – хотя мало кто этому призыву внимал. «Слушайте, если даже на деревянной скамье, облитой машинным маслом, остается такое пятно, только представьте себе, что станет с вашими кишками», – обращался Артур к своим товарищам и слышал в ответ: «Какого черта, стоит ли думать об этом». Тогда он пожаловался в дирекцию, и его выслушали. Кто-то из администрации проверил чайники в столовой и убедился, что изнутри они покрыты толстым осадком от чая и содовых добавок. Он продолжал отстаивать свои права, поднялся большой шум, и качество чая улучшилось, хотя и не настолько, чтобы заставить Артура его пить. Он по-прежнему носил с собой в кармане флягу

и вот сейчас, выключив станок, извлек ее. В конторке Роббо замелькал свет, и все начали разворачивать пакеты с сэндвичами.

Он направился к мужу Бренды, сидевшему на своей скамейке наладчика между тисками и колесом из карборунда, с чашкой фабричного чая в одной руке и сэндвичем с сыром в другой, – половина его уже была съедена, другую он собирался поднести ко рту.

– Подвинься, – сказал Артур, присаживаясь рядом. – Дай место бедному крольчонку!

– Смотри чай не опрокинь, – пробурчал Джек.

Артур отвинтил крышку фляги и плеснул себе обжигающего чая.

– Не хочешь попробовать? – предложил он. – А то на твоём пойле только язву заработаешь.

Джек развернул второй сэндвич. У Артура был свой, достаточно внушительный, но ему хотелось, чтобы Джек угостил его тем, что был приготовлен руками Бренды. Да нет, даже если предложит, откажусь, тут же одернул он себя. Черт, так ведь и выдать себя недолго.

– Для других этот чай хорош, – сказал Джек, – стало быть, и для меня тоже. Я непривередлив. – Его рабочий халат был чисто выстиран и выглажен, только возле нагрудного кармана виднелись несколько пятнышек, а простая голубая рубашка без воротника небрежно сколото на шее булавкой. Это был свежий на вид мужчина двадцати девяти – тридцати лет, хотя его портило вечно хмурое выражение лица – предмет безжалостных насмешек тех, чьи станки он обслуживал.

– А надо бы, – наставительно произнес Артур. – Все должны быть привередливыми. А то есть ребята, которые мочу пить готовы, если ее разольют по китайским чашкам.

Лицо у Джека разгладилось. Он и сам не ругался, и не любил, когда другие ругаются.

– Нет, – возразил он, – до этого никто не дойдет. Вообще-то я мог бы попросить Бренду наполнить мне флягу, но не хочется ее беспокоить.

– Да что это за беспокойство. – Артур надкусил сэндвич.

– Еще какое, когда у тебя на руках двое малышей. Джеки такой проказник. Вчера днем с лестницы свалился.

– Ничего себе не повредил? – спросил Артур с несколько чрезмерной поспешностью.

– Несколько синяков да вопил пару часов. А так все в порядке. Он у меня, если хочешь знать, железный.

Пора сменить тему. Как по канату идешь, старый ты греховодник, прикрикнул на себя Артур. Не поздно ли?

– Как там на скачках?

– Нормально. Пять фунтов выиграл.

Действительно, неплохо.

– Везет тебе, убудок, – выругался он. – А я в субботу поставил десять шиллингов на Красного, и ни цента назад не получил. Честное слово, прибыть как-нибудь этого букмекера.

– Букмекер-то здесь при чем? – рассудительно сказал Джек. – Суеверный ты какой-то. Все просто: ты либо выигрываешь, либо проигрываешь, а в удачу я не верю.

Артур смял обертку от сэндвича и бросил ее через проход в чью-то рабочую корзину.

– В точку! – воскликнул он. – Нет, Джек, ты только посмотри, даже если бы целился, лучше бы не получилось.

– Да и вообще, – продолжал Джек, – я считаю, что в конечном итоге удача никого еще до добра не доводила.

– Ну, а по мне так все наоборот, – возразил Артур. – Мне чаще всего везет, вот и все. Иногда, конечно, получишь между глаз. Но редко. Так что да, я суеверен, и я верю в удачу.

– Только на той неделе ты мне говорил, что веришь в коммунизм, – с упреком сказал Джек, – а теперь заявляешь, что суеверен и веришь в удачу. Товарищам это не понравится, – закончил он с коротким смешком.

– Ну и ладно, – огрызнулся Артур, дожевывая второй сэндвич и глотая чай. – Не понравится, так пусть подавятся.

– Ты так говоришь, потому что на самом деле у тебя с ними нет ничего общего.

– Я сказал только то, что они не хуже других, вот что я сказал, – заупрямился Артур. – И это не шутка. Думаешь, я бы дал тебе хоть пенни, если бы угадал счет в футболе? Или кому-нибудь еще? Вряд ли. Все бы себе оставил, разве что семью бы не обделил. Купил бы своим дом, наладил им жизнь, а остальные пусть зубами щелкают. Я слышал, ребята, выигравшие в футбольную лотерею, получают тысячи писем с просьбами поделиться, но знаешь, что бы сделал я, окажись на их месте? Не знаешь? Ну так я скажу тебе: устроил бы костер из этих писем. Потому что, Джек, я не верю в равную дележку. Возьми хоть ребят, что соловьем разливаются за фабричными воротами. Мне нравится слушать, как они говорят про Россию, про фермы и электростанции, потому что это интересно, но когда начинается трепотня про систему, при которой все равны, – это дело другое. Я не коммунист, заруби это себе на носу. Но коммунисты мне нравятся, хотя бы потому, что не похожи на этих жирных котлов-тори из парламента. Да и на ворюг-лейбористов тоже. Эти каждую неделю залезают нам в карман, выдумывая всякие страховки и налоги, да еще говорят, что это ради нашего же собственного блага. Дай мне власть, и знаешь, что бы я стал делать? Стал бы ходить по английским фабрикам, одна за другой, с брошюрками и разыгрывать в лотерею парламент. «Шесть пенсов штука, парни, – предлагал бы я. – Победителю – большой классный дом», – а когда бы набил карманы, устроился бы где-нибудь с пятнадцатью женщинами и пятнадцатью машинами. Вот так.

Правда, Джек, по-моему, я говорил тебе, что на прошлых выборах голосовал за коммуниста. Но только потому, что подумал: иначе бедняга вообще не получит ни одного голоса. А я люблю помогать тем, кто проигрывает. К тому же, понимаешь ли, я вообще не должен был голосовать, потому что тогда мне еще не исполнилось двадцати одного, но я воспользовался отцовской карточкой: он тогда мучился болями в спине и не вставал с постели. Я потихоньку вытащил эту штуковину у него из кармана куртки и перед входом на участок сказал копу, а внутри малому, что раздавал за столом бюллетени, что меня зовут Гарольд Ситон. Никто даже не почесался, чтобы взглянуть на карточку, и я прошел в кабинку и проголосовал. Вот так вот. Помню, пока наружу не вышел, не верил, что прокатило. И я бы снова проделал такой фокус, как пить дать.

– Если бы застукали, мог десятку схватить, – сказал Джек. – Это тебе не шутки. Так что, считай, тебе повезло.

– Так я же говорил, что я везучий, – победоносно заявил Артур. – Да и для чего другого пишут все эти кретинские законы, если не для того, чтобы такие парни, как я, их нарушали?

– Ладно, ты хвост-то не особо распускай, – осадил его Джек. – Когда-нибудь попадешься.

– На чем? Уж не о женитьбе ли ты? Неужто ты держишь меня за такого болвана?

Артур нащупал слабое место Джека, и тот поспешил занять оборонительную позицию.

– Этого я не говорил. Но и я не по дурости женился. Просто захотелось, вот и все. Шел на это с открытыми глазами. И мне нравится такая жизнь, вот тебе и весь сказ. Мне нравится Бренда, я нравлюсь Бренде, и все у нас хорошо. Если не обижать друг друга, супружеская жизнь – это то, что надо.

– Ладно, верю. Хотя куча народа не поверила бы.

А кто бы поверил, что у меня шуры-муры с его женой? Когда-нибудь, наверное, он все узнает, но в любом случае не петушись, петушок ты эдакий. Если чересчур петушиться, удача повернется к тебе спиной, так что гляди в оба. Самое скверное во всем этом то, что Джек мне нравится. Джек хороший малый, едва ли не лучший. Жаль, что мир так жесток. Но я не могу забыть, что он каждую ночь спит с Брендой. Наверное, мне следовало бы

надеяться, что в один прекрасный день его собьет автобус и тогда я смогу жениться на Бренде и спать с ней каждую ночь, но почему-то мне не хочется, чтобы его сбил автобус.

– Я вроде еще не говорил тебе об этом? – угрюмо спросил Джек после долгого молчания, в ходе которого он дожевывал сэндвич: могло показаться, что ему на ум внезапно пришло что-то очень важное.

Артур задумался. Неужели он... Да может ли быть такое? Вид у него серьезный. В чем дело-то? Вроде бы никто не мог сказать Джеку про мои похождения. Или все-таки кто-то из любителей сунуть нос в чужие дела настучал? Но кто? И много ли он знает? Что-то Джек нынче утром невесел.

– О чем ты, старина? – спросил Артур, завинчивая флягу.

– Да ничего особенного. Просто на днях ко мне подошел Роббо и сказал, что на следующей неделе переводит меня в ночную смену в штамповальный цех. У них там людей не хватает, нужен еще один наладчик. Неделя ночью, неделя днем.

– Вот гад, – посочувствовал Артур, решив, что в данных обстоятельствах говорит то, что нужно. – Мне очень жаль, Джек.

И тут же понял свою ошибку. На самом-то деле Джек был только рад переводу.

– Ну, не знаю, – протянул он. – Денег будет побольше. Бренда недавно присмотрела новый телевизор, и теперь я, пожалуй, смогу себе позволить его купить.

Артур протянул ему сигарету со словами:

– Пусть так, но с кем мне теперь поговорить в перерыв?

Джек рассмеялся, хотя лицо его странным образом сохраняло хмурое выражение.

– Ничего, справишься. – Он легонько хлопнул Артура по плечу. – Ладно, увидимся.

Вспыхнул сигнал: перерыв закончился.

Мне просто везет, говорил себе Артур, запуская станок, слишком везет в этом мире, так что, пока есть возможность, надо пользоваться удачей. Вряд ли Джек уже сказал Бренде, что его переводят в ночную смену, но держу пари, когда скажет, она умрет от смеха – слишком уж хорошая новость. Может, на выходные и не увидимся, зато буду приходить к ней каждую ночь, а это даже лучше. Бабка, фартук, станина. Готово. Бери деталь, вставляй новую заготовку, поглядывай время от времени, чтобы размер был нужный, а то я терпеть не могу, когда сварганишь свою тысячу, а проверяющие вернут ее тебе назад. Сорок пять шиллингов на дереве не растут. Бабка, фартук, станина, ходовой вал – и так, пока руки не онемеют. Живое, еще живей. Вынуть – вставить, проорать, чтобы поскорее подъехала тележка, увезла сделанное и подкинула новые заготовки, отметить очередную сотню, не обращая больше никакого внимания на вонь или приводные ремни над головой, от которых при первом появлении на фабрике, когда мне было пятнадцать лет, в глазах зарябило: болтаются, перекручиваются, визжат, дергаются в разные стороны, как команды Роббо-десятника. Тяжелая жизнь, но надо держаться, исходить потом, чтобы заполучить свои несколько фунтов, сходить с Брендой куда-нибудь выпить, а потом в постель или на тропинки и лесные прогалины в Стрелли, мимо большого жилого комплекса, где у Маргарет, моей сестры, есть дом, в котором она живет с тремя детьми и никчемным мужем, и дальше – туда, где стоит покосившаяся пастушья хижина, которую я знаю с детства, уложить Бренду на солому и заняться любовью, чего нам обоим уже давно не терпится. Но прочь, прочь все это, иначе станок снова заклинит, и я не буду знать, что с этим делать, и работа остановится. Время летит, и все идет как по маслу, и так оно и должно быть, потому что я сделал очередную пару сотен и готов идти домой, чтобы чуток отдохнуть и почитать «Деили миррор» либо поглазеть на то, что осталось на девчонках-купальщицах в «Уик-энд мейл». Бренда, Бренда, жду тебя не дождусь. А как же иначе, цыпленок, если ты такая сладкая и любвеобильная. А вот нож, его надо заточить. Отдам Джеку после обеда, пусть займется. Его это совсем не обрадует, но скоро он перейдет

в ночную смену, что тоже его не обрадует, потому что мы с Брендой будем скакать в постели и во всех уголках, какие только найдутся. Полощутся юбки, и сплетаются ноги, и плевать, что в Стрелли-вудс становится все холоднее.

В тот момент, когда оказываешься за воротами фабрики, ты перестаешь думать о работе. Но самое занятное заключается в том, что ты не думаешь о ней и стоя за своим станком. Ты начинаешь день, тщательно вытачивая и шлифуя металлические цилиндры, но постепенно твои движения становятся автоматическими, и ты забываешь и про станок, и про быструю работу твоих рук и плеч, и про то, что обтачиваешь и сверлишь металл на площади, не превышающей пятитысячной доли дюйма. Шум дрезин, снующих взад-вперед по проходу, и оглушительный грохот ремней с их круговым вращением – все это уже через полчаса перестает воздействовать на твоё сознание, никак не влияя на качество работы, и ты забываешь былые стычки с десятником и обращаешься мыслями к тому приятному, что у тебя когда-то было в жизни, и тому, на что надеешься в будущем. Если станок в порядке – мотор работает без перебоев, клапаны тугие, матрицы какие надо – и ты сумел поймать подходящий ритм движений, ты доволен, и до конца дня витаешь в облаках. А вечером, когда, по правде говоря, чувствуешь себя так, словно тебе на плахе кости дробили, погружаешься в уютный мир пабов и веселых девчонок, который в один прекрасный день даст тебе пищу для новых заоблачных мечтаний, какие возникают за токарным станком.

Чудесны вещи, которые ты вспоминаешь за токарным станком, вещи, казалось, забытые и невозвратимые, нередко такие, какие тебе хотелось бы навсегда оставить в прошлом. Время летит, летит, пока ты, не замечая его, топчешься на полу, пропитанном машинным маслом, и работаешь как черт: ты живешь в прекрасном мире картин, что мелькают у тебя в сознании, как в волшебном фонаре, часто раскрашенных в какие-то яркие, полыхающие, немыслимые цвета, – мире, в котором память и воображение обретают полную свободу и проделывают с твоим прошлым и, возможно, будущим акробатические фокусы, амок, порождающий различные, но неизменно радостные видения. Как сказал по поводу сидения в сортире капрал: это единственное время, когда у тебя есть возможность подумать, а если продолжить его высказывание – думаешь ты о всяких приятных и чудесных вещах.

Когда в тот день Артур вернулся к работе, ему для выполнения нормы оставалось выточить всего четыреста цилиндров. Если постараться, то можно уменьшить скорость, но он никак не мог успокоиться, ему очень не хотелось нарочно замедлять движения, пока вся работа не будет сделана и каждый цилиндр, отполированный до блеска, не ляжет в ящик рядом со станком. Он справился с этими четырьмя сотнями за три часа и оставшееся время собирался приятно провести в хорошо скрытом ничегонеделании, прикидываясь, будто чем-то занят, например смазкой станка или болтовней с Джеком, к которому явился якобы для того, чтобы тот наточил инструменты. Не высовываясь, повторял он про себя, приступая к первой сотне и неторопливо укладывая изделия в ящик. Не дай этим ублюдкам прищемить тебе яйца, как говаривал Фред, когда служил на флоте. Что-то про карборундовое колесо – так это звучало, когда он старался выговорить название на латыни, но совет в любом случае хорош, пусть даже *мне* он ни к чему. Я никому не позволю прищемить себе яйца, потому что ничем не хуже других, хотя, когда дело доходит до этого вшивого избирательного бюллетеня, что мне суят в руки, часто хочется сказать, куда его засунуть, – мне-то он вовсе ни к чему. Но если мне скажут: «Артур, вот тебе сотня килограммов динамита и новенький плунджер, подними на воздух эту фабрику», я так и сделаю, потому что оно того стоит. Дело. Я бы рванул в Россию или на Северный полюс, уселся бы и ржал, как лошадь, над тем, что сотворил, любовался бы, как прекрасной лунной ночью в воздух взлетают все эти десятники, и станки, и сверкающие велосипеды. Не то чтобы я что-то имел против них, просто иногда

накатывает такое чувство. Что касается меня, то пусть весь мир летит в тартарары, лишь бы я был вместе со всеми. Правда, перед тем неплохо бы выиграть тысяч девяносто. Но мне хорошо живется, мне на все наплевать, и жаль было бы потерять Бренду со всем, что у нее есть, особенно сейчас, когда Джека переводят в ночную. А он и не против, потому что рад и лишней деньге, и переменам. И я рад, и Бренда, знаю, тоже рада. Все рады. Мир порой бывает очень хорош, если, конечно, не давать слабину, не позволять этим ублюдкам выеживаться с карборундумом.

По проходу идет Роббо-десятник, останавливается поговорить с кем-то из наладчиков. Роббо – малый лет сорока, на компанию работает с четырнадцати, начинал учеником, усердно посещал вечернюю школу. Довоенная безработица, – в отличие от моего старика, подумал Артур, – его не коснулась, а во время войны получил «бронь по профессии» и в армию не призывался. Сейчас заколачивает двадцатку в неделю плюс хорошие премиальные – спокойный дядька с квадратным лицом, грустными глазами, тонкими, в ниточку, губами, одна рука все время в кармане, сжимает микрометр. Роббо удерживается в должности, потому что у него хватает ума правильно отвечать на твои вопросы и кисло, но незлобно улыбаться, если ты дерзишь ему, и дерзишь нахально, с таким видом, будто тебе сам черт не брат и ты его не боишься. На людей вроде Джека он наводит ужас, а в глазах Артура – просто человек, несущий на плечах свинцовую тяжесть власти, когда кажется, что в любую минуту может вспыхнуть бунт.

Артур пришел в компанию рассыльным, переносившим велосипедные части из одного фабричного цеха в другой либо разъезжающим с поручениями по городу на велосипеде. Было ему тогда пятнадцать, и каждый четверг утром Роббо посылал его с каким-то таинственным поручением в центр города, где он должен был передать аптекарю запечатанный конверт с запиской и парой банкнот. После увлекательной неторопливой поездки вдоль канала и по лабиринту узких улочек Артур добирался до аптеки, где хозяин передавал ему более плотный коричневый конверт с чем-то на ощупь плоским и мягким, как губка, а также сдачу с денег, вложенных в первый конверт. Через три месяца подобных поездок Артур выяснил, за чем его посылал Роббо. Однажды аптекарь слишком спешил, чтобы проверить, достаточно ли хорошо запечатан конверт, и, стоя на перекрестке в ожидании зеленого света, Артур сумел открыть его, посмотреть, что там внутри, и снова заклеить, на сей раз более надежно. Он увидел то, что и предполагал увидеть, и гнал теперь велосипед с сумасшедшей скоростью, оставляя позади автобусы, тележки с молоком, даже автомобили.

– Три упаковки! – вопил он. – Грязный негодник! У него классная подружка! Девять раз в неделю!

Новость быстро разнеслась по цеху, и еще долго после того, как Артур с рассылки перешел за станок, стоило ему отлучиться в туалет, кто-нибудь обязательно кричал вслед: «Ты куда это?» – и если Роббо не было поблизости, Артур своим густым, намеренно грубым, под Робин Гуда, голосом, неизменно вызывавшим пронзительный смех женщин и гогот мужчин, громко, чтобы всем было слышно, отвечал: «В город, за резинками для Роббо!»

Роббо остановился у его станка, взял готовое изделие и тщательно измерил его своим микрометром. Артур оторвался от работы.

– Ну и как? – воинственно осведомился он.

Роббо с неизменной сигаретой во рту помахал ладонью, отгоняя дым от глаз, при этом на его коричневый рабочий халат упал пепел. Он достал глубиномер и произвел последние измерения.

– Все нормально, – кивнул Роббо и проследовал дальше.

Артур и Роббо терпели друг друга и доверяли друг другу. Враг внутри каждого из них пребывал в состоянии дремоты – грозный зверь, сдерживающий свой рык, словно по команде дрессировщика, велящего ему молчать, зверь, приручаемый, возможно, поколени-

ями, от отца к сыну, с обеих сторон. Каждый уважал в другом эту наследственность и ощущал ее, сжато отвечая на те немногие отрывистые вопросы, что возникали, когда они громко и без малейшего блеска в глазах разговаривали друг с другом.

У Роббо была машина – правда, всего лишь старенький «моррис», – и он вел полузатворническую жизнь в богатом районе, что Артуру не нравилось, ибо в общем-то они были с ним одной породы, и потому Роббо был бы ему ближе, если бы жил в таком же доме на четыре квартиры, как и он сам. Ведь Роббо был ничем не лучше его, думал Артур, вытачивая последний десяток цилиндров из сегодняшней нормы, – да и всех других, если уж на то пошло, тоже. Артур оценивал людей не по знаниям и положению, а наугад, чувством, проныкая, таким образом, в их глубинную суть. Это были весы, эмоциональный метр-эталон, неизменно точный, если его настраивал он сам, и те, к кому он его прикладывал, либо проходили проверку, либо нет. Во время своих бесхитростных «взвешиваний» он использовал его как надежный инструмент для определения, кто является или не является его другом, а также у кого есть шанс стать его другом.

Так что стоило Артуру посмотреть на человека, или услышать его голос, или увидеть походку, как он мгновенно его «взвешивал», и это «взвешивание» оказывалось не менее точным, чем если бы оно производилось после многих недель знакомства.

Его отношение к Роббо определилось сразу же и с тех пор не изменилось. Более того, он лишь еще больше в нем утвердился. Из полусознанных заключений Артура следовало, что в данном конкретном случае все одинаковы, все живут в одном враждебном мире, и четкое понимание этого требует определенной меры взаимного доверия. Артур не сомневался, что и Роббо подверг его тому же испытанию и пришел к тем же выводам. Так что уважение, которое они испытывали друг к другу, основывалось на том типе оценки, какой ни один из них не мог бы выразить словами.

Если Артур, посмотрев кому-нибудь в лицо и сдвинув брови, чтобы придать себе суровый и глубокомысленный вид, бросал: «Ага, я тебя взвесил», вполне могло получиться так, что главные свойства этого человека действительно определились на весах его сознания, хотя ни устройства этих весов, ни природу груза, который приводил их чаши в равновесие, объяснить он бы не сумел.

Что касается реакции на подобного рода замечания, то она бывала разной. Когда такие слова слышал кто-нибудь из его товарищей по работе, например во время спора из-за ящика с деталями, не прошедшими проверку контролера, в ответ слышался такой же уверенный и зычный голос: «Это ты так думаешь». А если, в свою очередь, «Я тебя взвесил» говорили самому Артуру, то стандартный ответ звучал так: «Да ну? Тогда, приятель, ты очень умный, потому что я, по правде говоря, и сам еще себя не взвесил», что оказывалось не менее действенным, если надо было заставить кого-то замолчать, и, возможно, не менее верным в том смысле, что, хотя любой может обладать способностью кого-то взвесить, ему никогда не придет в голову взвесить самого себя. В принципе, Артуру тоже, как и всем остальным, не хватало этой способности, хотя покуда он особенно и не старался приложить лекало к самому себе.

Тем не менее при всей своей способности взвешивать людей Артур так и не смог вполне взвесить Джека-наладчика. Быть может, тот факт, что он – муж Бренды, заставлял его казаться ему сложнее других людей. Разумеется, он был вылеплен из того же теста, что и Артур, и другим никогда и не прикидывался, в принципе, его можно было бы понять с полувзгляда, и все же некие существенные особенности характера Джека почему-то упорно ускользали от него. Во многих отношениях Джек был человек робкий и замкнутый, откровенничать не любил. Мог поболтать в компании, но никогда не повышал голоса, и не сквернословил, и не напивался в стельку, даже не выходил из себя, сколько бы десятники ни действовали ему на нервы. Он никогда не открывал, что у него на уме, так что вглядывайся не

вглядывайся, а не поймешь, каков он на самом деле. Артур даже понятия не имел, знает ли Джек об их отношениях с Брендой. Может, знает, а может, нет, но если знает, то тогда он тот еще хитрован, слова не скажет. Он из тех, кто может подозревать или даже иметь точные доказательства того, что ты уже месяцами трахаешь его жену, но и вида не подаст до тех пор, пока не решит, что пора настала. А может, такой момент вообще не настанет, и тогда это будет ошибкой с его стороны, потому что Артур выгораживать Бренду не будет – таково одно из правил его игры.

Но так или иначе, если уж он трахает жену Джека, то и поделом ему. Артур разделял мужей на две главные категории: те, кто ухаживает за женами, и раззяв. Джек подпадал под вторую, куда более многочисленную, чем первая, что Артуру было известно по собственному опыту. Быстро поняв это, он сделался удачлив в любви, всячески ловил кайф, куя железо, пока оно горячо, и все более укрепляясь в мысли, которая пришла ему в семнадцатилетнем возрасте: самые лучшие женщины – замужние. Мужей-«раззяв» Артур не жалел. Чего-то им не хватало, не в том смысле, как не хватает одной ноги калеке – ее-то уж никак не поставишь на место, – а в том, что они, мужья-«раззявы», легко могли бы исправиться, если бы не были такими эгоистами, прочистили себе мозги и больше внимания уделяли своим женам. Сам Артур, в моменты наибольшей терпимости, говорил, что женщина – это нечто большее, нежели просто украшение или домохозяйка, это теплое, чудесное существо, заслуживающее ухода, требующее максимума внимания со стороны мужчины, и уж точно нечто более важное, нежели его работа или его удовольствие. Тем более что мужчина и так получает большое удовольствие от ласкового обращения с женщиной. Иное дело, что есть женщины, которые не позволяют ласково с собой обращаться, женщины с лицами мегер и железным, как гвоздь, сердцем, женщины, размахивающие у тебя кулаком под носом и орущие: «Сделай то, сделай это», и хоть кол на голове теши, старясь быть с ними ласковым, все без толка, не хотят они этого. Лучше бы им родиться мужчинами, меньше бы бед от них было, меньше несчастий: их призывали бы в армию и убивали на войне либо швыряли бы в тюрьму за то, что, взобравшись на ящик из-под мыла, они орут во всю глотку: «Долой то, долой это!» Такие женщины считают тебя недоумком, если ты за ними ухаживаешь, они просто не понимают, что такое любовь, и тебе остается только одно: дать им под зад как следует. Они сами безнадежные дуры. Но, по-моему, большинство женщин хотят, чтобы их любили и были с ними ласковыми, но даже если нет, то через какое-то время сами начинают тебя любить. Пусть женщине будет с тобой хорошо в постели – это важная часть сражения, – и ты уже на пути к тому, чтобы она захотела с тобой остаться навсегда. Господи, да это лучшее, что я сделал в жизни: заставил женщину получить удовольствие и получил его сам. Одному богу известно, как я до этого додумался. Мне – нет. Но тут есть еще одна заковыка. Если мужчина любит выпить, а женщина не любит пьющих мужчин, тогда в любой момент можно сорваться, с какой стороны ни посмотри. И в этом состоит большая моя беда, и поэтому в конечном итоге я бываю в себе не уверен, и приходится то и дело оглядываться по сторонам и находить самых любящих женщин – а это почти всегда женщины, которым не хватает любви, жены «раззяв».

И с тем можно забыть про фабрику, где потом жилы рвешь за станком, а после дуешь пиво в пабе или, по выходным, любишь Бренду в ее просторной мягкой постели. Фабрика не имеет значения. Пусть себе работает, пока не надорвется и не взлетит на воздух, а я, подумал Артур, и так уж перевыполнил дневную норму на двадцать штук и буду здесь, когда фабрики не будет, и Бренда тоже, и все женщины, такие, как она, тоже – не женщины, а золото.

Глава 3

За те несколько минут, что прошли между тем, как он сначала проснулся, а затем открыл глаза, стало понятно, что ему слишком плохо, чтобы идти на работу. Несколько раз Артур пытался подняться, чтобы понять, как все же он себя чувствует, но удалось ему это только в одиннадцать утра. Внизу он обнаружил на столе чайник с остывшим чаем – мать оставила, уходя за продуктами. Прохаживаясь босиком по комнате, он безуспешно пытался сообразить, что же с ним стряслось. Взял «Дейли миррор» и, убедившись, что на первой полосе нет фотографии какой-нибудь красотки, принялся листать газету. Что ж, купальный костюм неплох. Бросив газету на пол, он спустился в подпол и набрал в ведро угля.

Вошла, с сумками в руках, мать.

– Я так и думала, что ты не в себе, – сказала она, увидев его осунувшееся бледное лицо, – потому и будить не стала.

– Внутри все крутит, – пожаловался он.

– Желчь разлилась, – как всегда при подобного рода жалобах, отозвалась мать.

А стандартным лекарством будет индийское бренди на шесть пенсов, которое она принесет из лавки на противоположной стороне улицы, после того как разгрузит в посудомоечной сумки с продуктами.

Она поспешно просеменила по двору, крепко стиснув на холоде ладони и прижав их к животу. Летом она обычно небрежно кладет их на плоскую грудь – эта картинка мелькнула в памяти Артура, пока он стоял у огня, слыша, как стучат по мостовой ее черные, блестящие, на низком каблуке туфли.

– Индийского бренди, мистер Тейлор, на шесть пенсов, – скажет она, входя в лавку.

Старый жмот, подумал Артур.

– Самое то с утра, – откликнется хозяин лавки, нацеживая по капле жидкость. Артур знал, что мать скорее согласится с недоливом, чем будет ждать, но бодрящая музыка, доносящаяся из радиоприемника, и холодный взгляд, направленный сквозь замерзшее окно, заставят Жмота поторопиться. Ее худое, без малейших следов косметики лицо – лицо женщины пятидесяти с чем-то лет, было довольно сильно испещрено морщинами, но не от возраста, а оттого, что она слишком часто смеялась или плакала. Видит бог, до войны она много работала, и жизнь ее не баловала. Артуру это было известно. Когда Ситон мрачнел из-за отсутствия сигарет, она бегала из лавки в лавку, выпрашивая несколько штук в долг до четверга, когда платили пособие по безработице. Но сейчас, подобно тому, как у Ситона есть вдоволь «Вудбайн», а также телевизор, мать каждую неделю получает хорошее жалованье, которое в зародыше подавляет любые тревоги, и позволяет ей вести вполне сносную жизнь, и добавляет блеска ее и без того блестящим серо-голубым глазам, когда она, если вдруг придет в голову, попросит в кооперативе отпустить ей в кредит фунт того или фунт этого.

Артур слышит, как Жмот спрашивает мать:

– Что-нибудь стряслось, миссис Ситон?

У него невыразительное, но по-своему волевое лицо сорокалетнего мужчины, и он любит повсюду совать свой нос, словно легавый. Мать расцепит руки и достанет из кармана кошелек.

– Артур опять животом мается. Одни только беды всем от этой фабрики.

Моложавый, с приглаженными волосами, Жмот возьмет бренди и скажет себе, что, когда она уйдет, надо будет добавить в бутылку воды.

– Ну, я бы так не сказал, – наверняка возразит он, возвращая затычку на место. – Правда, сам я там никогда не работал. Переезжал, знаете ли, с места на место. Но от мазута лучше еще никому не становилось, с этим я согласен.

Мать пока поседела не больше чем наполовину. А наполовину, любил повторять Артур, – блондинка. У старика-то волосы черные, цвета пикового туза.

– Думаете, это ему поможет? – спросит она. – Бедный парень слишком много работает, это я вам говорю. Он у меня хороший. И всегда был таким. Не знаю уж, что бы я без него делала.

Жмот подумает о том дне, когда в лавку к нему зашел Артур и стал играть на автомате, где вместо цифр выскакивают фрукты. Он скармливал машине, вспоминал, сидя подле огня, Артур, пенс за пенсом, и когда наконец выпали три лимона, банк остался пустым. Ни фартинга. Старый Жмот заявил, что ничем не может помочь, а Артур принялся колотить по стенке автомата, и не переставал, пока тот не закашлялся и на колени ему не вывалились двенадцать шиллингов и четыре пенса.

Он ждал ее, видел, как она пересекает двор, слышал, как, войдя в дом со своей скромной целебной ношей, возится с замком.

– Вот, держи, – сказала она, – сейчас приведем тебя в порядок.

Он проглотил бренди и почувствовал себя вдвое лучше, словно после того, как повторил перед зеркалом выпад Билла Хикока⁵ в салуне Дикого Запада, – слабость, возникшая из-за чересчур долгого пребывания в цеху, где пахнет мазутом и хлоркой, начала постепенно проходить. Ему захотелось пить, и мать живо принесла кружку крепкого дымящегося чая с несколькими кусками сахара и жирным молоком из кооперативного магазина, которое она держала в литровой бутылке на оконном карнизе, – добрая смесь, действенность которой была подтверждена двадцатилетним опытом. Пока мать готовила обед, он сидел у огня, рассеянно поглядывая через заиндевшее от дыхания и холода окно на длинные захламленные задние дворы, на женщин, возвращающихся домой с покупками, на мать, которая сновала взад-вперед, вынося мусор из посудомоечной в баки и останавливаясь порой, чтобы перекинуться словом со старушкой Ма Булл.

Это была, если не капризничать, славная спокойная жизнь, защищенная от холодного мира теплом уютной кухни, из окон которой видны внушительные, из красного кирпича, многоквартирные дома на противоположной стороне улицы. Артур готов был рассмеяться. Порой бывает совсем неплохо занедужить, посидеть перед огнем, читая и попивая чай, в ожидании того, как по телевизору покажут что-нибудь занятное. Он не мог понять, отчего ему стало плохо. Вчера вечером они с Брендой выпивали в Спортивном клубе, но в меру, явно недостаточно для того, чтобы с желудком что-нибудь случилось. Отсюда вопрос: действительно ли утром он так уж плохо себя почувствовал? Но совесть его была спокойна: зарплата не пострадает, на фабрике он всегда опережал остальных по выработке как минимум на день. Так что беспокоиться не о чем. Желудок успокоился, и он отодвинул свои худые белые ноги от полыхающего в печке огня.

Обмотав шею шелковым шарфом, прикрывающим его вязаный галстук от Виндзора, Артур направлялся к Воллатону в надежде встретить возвращающуюся из Спортивного клуба Бренду. Чем пробираться темными переулками, он предпочел постоять у забора, откуда было видно, что Мартинов пруд уже покрылся льдом. Вчера вечером Бренда, нежно прощаясь с ним, говорила, что не уверена, придет ли: только «возможно», и даже скорее «вряд ли», так что он совершенно забыл про нее, только за чаем вспомнил.

Часы на Воллатоновой башне пробили пять, звуки рассыпались в морозном воздухе, эхом прокатились по поверхности пруда, где возвращающиеся из школы дети скользили по льду и с криками швырялись камешками в растерянных уток, и те поднимались из зарослей камыша и, хлопая крыльями, перелетали на деревья и ограду прилегающих к домам садов.

⁵ Легендарный герой американского Дальнего Запада – стрелок, охотник и картежник.

Засунув руку глубоко в карман длинного драпового пальто, Артур стоял у забора и скользил взглядом по опушке леса. Как почти всегда в ожидании появления женщины, он играл с собой в игру, повторяя: «Ну что, не придет скорее всего», или, когда из-за поворота выезжал, притормаживая у остановки, автобус: «На *этом* автобусе ее точно не будет», или: «Раньше чем через пятнадцать минут не появится», в надежде на приятный сюрприз: вот она. Иногда он выигрывал, иногда нет.

С автобуса сошли несколько человек, но ее среди них не было. Он попытался заглянуть внутрь, прочесать первый этаж, второй, но окна запотели от дыхания и дыма. А ну как этим автобусом приехал Джек? Подумав о такой возможности, Артур от души рассмеялся. Месяц с лишним назад Бренда обмолвилась: «Ну и что мне сказать Джеку, если он спросит, почему я так часто хожу в клуб?» И он ответил в шутку: «Скажи, что тебя включили в команду по метанию дротиков». При следующей встрече она объявила: «Я сказала ему, что в клубе бросаю дротики, и, кажется, он поверил». «Ревнивцы всему верят», – ответил он тогда. Но через несколько недель она пожаловалась: «Джек сказал, что собирается как-нибудь зайти в клуб, посмотреть, вправду ли я бросаю дротики. Пошутил еще, что хочет увидеть у меня в руках чемпионский кубок». «Ну что ж, пусть приходит», – сказал Артур.

И сейчас он мог бы повторить то же самое. Да, на этом автобусе ее не было. Двигатель взревел с такой мощностью, что ломкие кустики и ветви деревьев, кажется, испугались наступившей следом тишины, а Артур поежился от холода и перестал слышать детские крики на пруду. Бренда ходила в клуб три раза в неделю, когда Джек работал по ночам. Маленького Джеки и его сестру она оставляла с соседской девочкой, платя ей за труды шиллинг и при расставании подмигивая, из чего следовало, что та должна держать язык за зубами – ни единой душе ни слова. Артур надеялся, что дротиковая легенда продержится еще несколько недель. Повернувшись спиной к автобусу, направляющемуся в сторону Воллатона, он снова посмотрел на детей, перекрикивающихся друг с другом и скользящих в сумерках по ледяной поверхности пруда.

Она вышла из следующего автобуса, задержалась на тротуаре, пропуская автобус, и направилась в его сторону. Он был уверен, что она его заметила, и остался стоять в тени кустарника. Она шла мелкими семенящими шажками, в застегнутом на все пуговицы пальто, руки в карманах, вокруг шеи обмотан никак не подходящий к пальто шерстяной шарф. Когда между ними оставалось всего несколько ярдов, он окликнул ее по имени и шагнул вперед, но все еще не выходя из тени. Надо соблюдать осторожность. А что, если Джек ее выслеживает? Не то чтобы он боялся за себя – в случае чего он кому хочешь отпор даст: шесть с лишним футов роста, только-только двадцать два исполнилось, и на подмогу, если понадобится, откуда-нибудь придут. Иное дело Бренда – ведь это ей придется платить. Гляди в оба, и сильно не промахнешься, подумал он.

Он шагнул ей навстречу и потянул за собой в тень.

– Привет, цыпленок, – сказал он, целуя ее в щеку. – Как ты?

Она приблизилась к нему вплотную, и он прижал ее к себе.

– Все нормально, Артур, – мягко откликнулась она – так, как если бы сказала то же самое, будь на самом деле не все в порядке. Он положил ладонь ей на грудь, и под шарфом мелькнула белая блузка. От нее легко и приятно пахло женщиной, которая куда-то торопилась, а теперь приходит в себя, источая тепло и едва ощутимый запах пота, всегда его возбуждавший. «Сколько ей? – подумал он. – Должно быть, тридцать. Точно, тридцать, день в день».

– Что, удалось ускользнуть от Джека? – спросил он, отстраняясь от нее.

– Ну да, конечно. Я сказала, что иду в клуб, снова на тренировку. – Кажется, что-то ее тревожило, и он опять привлек ее к себе, на сей раз более нежно, чем прежде. Неправильно, если женщину что-то слишком волнует. Сейчас ему хотелось взять все тревоги на себя. Это

ведь нетрудно. Надо просто взять их и, поскольку делать с ними нечего, – выбросить куда подальше.

– А он что?

– Сказал, что, может, попозже заглянет. – Она говорила, обдавая его своим горячим дыханием.

– Он всегда так говорит, но никогда не делает. К тому же он сейчас в ночной смене, так?

– Ну да.

Ей было бы беспокойно, окажись он даже за десять тысяч миль отсюда. Но это естественно, подумал он, обнимая ее обеими руками и нежно целуя в губы.

– Не волнуйся, цыпленок, не придет он. Ты со мной, и все будет хорошо. – Он поднял воротник ее пальто, покрепче затянул шарф, потом прикурил две сигареты и одну протянул ей.

Они шли темной, тихой, обсаженной с обеих сторон деревьями улочкой, которая вела к клубу. Он говорил ей, как долго ждал ее здесь, подтрунивая над самим собой, замечая, что это то же самое, что ждать начала футбольного матча, назначенного на другой день, болтая разную чепуху, лишь бы развеселить ее. По одну сторону улицы начинался лес, и, поболтав еще какое-то время, перемежая шутки поцелуями, они углубились в него через разрыв в кустах.

Артур хвастал, что знает этот лес как свои пять пальцев. Посреди него было озеро, где он раньше любил плавать. На опушке находилась лесопилка, похожая на лагерь захватчиков, медленно пожирающих лес, хотя деревья еще оставались, что по вечерам, подобным нынешнему, было Артуру весьма на руку.

Он знал, что, увлекая Бренду вглубь и сжимая ее запястье, делает ей больно, но ослабить хватку ему и в голову не приходило. Окружающие их во тьме кусты и деревья наводили на него тоску. В какой-то момент он сказал себе, что держит ее так крепко, потому что спешит найти удобное сухое место; потом решил, что всему виной она сама и сложившаяся ситуация, заставляющая его причинять ей боль, нечто, имеющее отношение к тому, как именно она обманывает Джека. И пусть даже, ведя ее на место, о существовании которого внезапно вспомнил, он предвкушал грядущую радость, ему вдруг подумалось: «Все женщины одинаковы. Если они с мужьями выкидывают такие штуки, то и с тобой, дай им малейшую возможность, сделают то же». Он наступил на сучок – треск эхом прокатился по невидимому, поросшему ивняком берегу темного озера, расположенного чуть ниже. Бренда вскрикнула: ее хлестнула по лицу ветка, а он даже не подумал ее отвести.

Земля была твердая и сухая. Они перелезли через свободный от кустов бугор – крышу тоннеля, врезанного в земную твердь и поддерживаемого крепежными стойками; во время войны при воздушных налетах сюда спускались рабочие лесопилки. Теперь он, слегка сжимая руку Бренды, вел ее за собой, снова весь внимание и нежность, подсказывая, когда надо нагнуться или переступить через торчащий из земли корень.

Дорожек в лесу было не больше, чем ясных и четких линий на ладонях Артура, и он без труда нашел то самое сухое и закрытое от посторонних глаз место, о котором вспомнил чуть раньше. Он снял пальто и разложил его на земле.

– Здесь нам будет удобно, – мягко проговорил он.

– А ты не замерзнешь? – Это были первые слова Бренды с того времени, как они углубились в лес.

Уловив в ее голосе подлинную тревогу, Артур уже едва сдерживался в ожидании того, что должно последовать.

– Не бойся, – громко засмеялся он. – Это ничто в сравнении с тем, каково приходилось в армии. А ведь тогда тебя, цыпленок, не было рядом, чтобы согреть.

Она закинула ему руки за шею и дала расстегнуть пальто. Он снова почувствовал запах женщины, возбужденной тем, что она делает что-то, по собственному разумению, не совсем правильное, но готовой отдаться любви. Он ощутил твердость броши из искусственного жемчуга у нее на блузе, потом пуговицы, и они опустились на тщательно расстеленное им пальто. Они забыли про холодную землю и про нависающие над ними ветви деревьев и растворились в жаре любви, погруженные в блаженную тишину ночного леса, пахнущего первобытной растительностью, леса, где никому не раскрыть твоих тайн и не отнять восторг, который дарят друг другу мужчина и женщина, лежащие в темноте на расстеленном пальто.

Вернувшись в переулок, они, чтобы попасть в клуб, должны были пройти несколько сотен ярдов через аркаду склоненных деревьев, в дальнем конце которой мерцали райские огни. Бренда взяла его под руку, и они перебрасывались шутками, непринужденно болтали, курили, чувствовали удивительную близость друг к другу – так, будто их долго лишали тепла.

Но когда они дошли до теннисных кортов, веселость Артура куда-то улетучилась, оба погрузнели, как если бы позволили себе столько радости, сколько не могли удержать. Бренда шла, слегка склонив голову, и едва удержалась на ногах, поскользнувшись на корке льда. Артур снова подумал про Джека, на сей раз с раздражением: надо же быть таким слабаком, чтобы позволить жене гулять с чужим мужчиной. Забавно, однако же, как часто ощущаешь себя виноватым, гуляя с женами слабаков: наверное, потому, рассудил он, что сильных стоит опасаться.

Интересно, подумал он, – Джек знает? Конечно, знает. Конечно, не знает. Но если все еще не знает, то уж и никогда не узнает. Он должен знать: таких чокнутых просто не бывает. Наверняка ему кто-нибудь сказал. У Артура не было ясных причин считать, что Джеку все известно, он полагался на точность своих «взвешиваний», произведенных на основе встреч с Джеком и сообщений Бренды. Впрочем, полной уверенности никогда не может быть. Не то чтобы это имело какое-то значение, особенно если Джек готов мириться. А что ему остается? На развод он никогда не пойдет, это слишком дорого, чем бы там все ни кончилось. Нет такой женщины, которая была бы достойна развода.

У него было ощущение, что Джек, возможно, хочет убедиться в происходящем наверняка и потому, не исключено, находится сейчас в клубе, ожидая появления Бренды. Подозрение становилось все сильнее, набухало словами, готовыми сорваться с губ. У последнего изгиба ограды он остановился и сказал:

– Слушай, цыпленок, я, пожалуй, зайду сначала один: а ну как Джек в клубе? Думаю, вряд ли, но надо убедиться, так что ты лучше подожди меня здесь. Я живю.

Она не стала спорить, остановилась покурить – Артур сам зажег ей сигарету. Он двинулся вперед по гравиевой дорожке. Вошел в ворота. Остановился у нижней ступени. Достаточно рослый, чтобы заглянуть в окно, он попытался разобраться, что происходит в баре, и порадовался, что он-то всех внутри видит, а сам стоит в темноте и остается невидимым. Джек сидел у дальнего окна – глядя, между прочим, прямо на него, – один за столиком, барабанил пальцами по наполовину опорожненной кружке пива. Артур не сводил с него глаз: ему вдруг стало очень интересно, и это не позволяло уйти. Он увидел, что к Джеку подошел какой-то мужик, похлопал его по спине, сказал что-то явно по-приятельски и вновь отошел. Джек пожал плечами и рассеянно поднес кружку ко рту.

Стало быть, ублюдок появился-таки наконец! Артур не мог заставить себя пошевелиться. Удивление и любопытство пригвоздили его к земле, взгляд, словно камера, медленно скользил по картинке, фокусируя ее в сознании. Тут он вспомнил, что на улице его ждет Бренда, резко повернулся и отошел, ощущая бодрость и даже подъем; кровь снова побежала по жилам, а подошвы скрипели по гравию, словно он только что хлебнул добрую пинту пива.

Он нашел ее там же, где и оставил, растворившейся тенью среди других теней, что отбрасывала ограда. На самом деле он бы даже не заметил ее, не пошевелилась она слегка, чтобы выдать свое присутствие. Иначе Артур вышел бы прямо на главную улицу, не отдавая себе отчета в том, что делает, – так он был возбужден. Сейчас же, описав полукруг, словно это был не он, а велосипед, на котором ехал кто-то другой, Артур повернул к ограде.

– Я замерзла, – сказала Бренда наполовину мрачно, наполовину жалобно, словно упрекая Артура, и тут же в этом раскаялась. Он потянул ее за собой вверх по переулку, к автобусной остановке.

– В чем дело? – уперлась она.

– Джек в клубе.

Казалось, это ее не удивило.

– А он тебя видел?

– Нет.

Бренда спросила, что им теперь делать.

– Ты отправляйся домой, – твердо сказал он. – Это будет лучше всего. Я посажу тебя на автобус, а сам вернусь в клуб и пропущу пинту-другую, просто чтобы показать свою физиономию.

– Что, если Джек спросит, где я была?

– Скажешь, что заскочила на часок к сестре, а там голова разболелась, и ты не захотела идти в клуб.

Объяснение было простым и ясным – потому что само собой пришло в голову. Если начнешь слишком много думать, так хорошо не получается. Она кивнула, соглашаясь, и на повороте улочки они поцеловались. Теперь, пройдясь быстрым шагом, она согрелась.

– Жаль, что все так получилось, – сказал он, когда они дошли до автобусной остановки, – но ничего, цыпленок, завтра увидимся.

– Все нормально. Ведь свою долю любви мы получили, верно?

– Да, верно, – прошептал он. – Я люблю тебя, Бренда.

Автобус подошел, остановился, быстро отъехал по темной дороге, и он смотрел ему вслед, пока за углом не исчезли габаритные огни.

Артур направился по переулку назад в одиночестве, испытывая потрясающее чувство душевного подъема и свободы, с трудом веря, что такое возможно, готовый пуститься в пляс в тени деревьев. Через просветы в нависающих над ним переплетенных ветвях виднелись звезды. Он пел и насвистывал, и чувство радости освещало ему путь, как горящая свеча, и укрывало от чернеющего холода ночи.

Он чувствовал себя так хорошо, что ему хватило каких-то десяти минут, чтобы вернуться в клуб. Он взлетел по деревянным ступеням – что показалось небезопасным, потому что его так и распирало от оптимизма, – и, толкнув дверь, сразу увидел Джека, который по-прежнему сидел на том же месте, и единственное отличие заключалось в том, что теперь кружка была пуста, а повторить он не побеспокоился.

В клубе находились не более десятка человек, потому что был конец рабочего дня и получка давно растворилась в бездонной бочке пива и в дыму дорожающих сигарет. Хозяин бара, он же охранник, облаченный, как положено, в белую куртку, выданную компанией, швырял дротик. Игроком он был популярным, но не благодаря какой-то особенной меткости, а потому, что хорошо удерживал в уме счет – способность, которую он развил на этой работе. Как-то раз счет вел Артур, и под конец игры хозяин указал на несколько ошибок – все в пользу Артура. «Прям не знаю, – загоготал он тогда, – тебе только яблоки перебирать. До трех досчитать не можешь». «Такой уж я неумеха, – подмигнул ему Артур. – Недаром всегда в лотерею продуваю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.